

ВИКТОР КУСТОВ
ВРЕМЯ ШУТОВ
СБОРНИК ПЬЕС

16+

Виктор Николаевич Кустов

Время шутов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45023803

SelfPub; 2019

Аннотация

В сборнике представлены пьесы, написанные в разное время и отражающие происходящие в обществе перемены.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
МОНОСПЕКТАКЛЬ	11
Я – КАВКАЗЕЦ	11
ПЬЕСЫ	38
ДВЕ СУДЬБЫ	38
МОЙ КОМАНДИР	98
ВАМ НУЖЕН ДОН КИХОТ?	179
Конец ознакомительного фрагмента.	182

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зашел ко мне в офис коллега, известный в крае писатель и издатель Виктор Кустов. Сколько знаю этого человека, он не перестает меня удивлять. Прежде всего, стабильностью и спокойным упорством, с которым назло всем «штормам» ведет свои дела. Мне кажется, что основа такого положения – не только редакторский и литературный «дар» автора, но и, если так можно выразиться, возмещенная справедливость, некая награда за умение жить и работать достойно, не изменяя себе и не подставляя других.

Вытащив из портфеля увесистую рукопись, он попросил ее прочесть. Это были пьесы. Задала ему единственный вопрос: «А почему, собственно, пьесы?» Ответил коротко: «Вдруг «пошло»...».

Знаю по опыту, само по себе и просто так у писателя ничего не «пойдет». А «идет» лишь тогда, когда сформировалась тема, вызрела идея и определился канал выхода информации. Таким «каналом», как мне кажется, для Виктора Кустова стал качественно новый для него жанр драматургии. Почему?... Как человек, долгое время занимающийся театром, поделюсь собственными соображениями.

В наше время популярности гаджетов у народонаселения значительно снизился уровень грамотности. Выросло постперестроечное поколение пап и мам, которые в большинстве

своим сами читать не любят и не учат этому детей. Из самой читающей страны в мире мы с космической скоростью опускаемся до уровня полуграмотной, говорящей на компьютерном русско-английском «суржике». В такой ситуации литература, даже очень современная и актуальная, становится достоянием привилегированной горстки людей.

Но вот слушать и смотреть мы, к счастью, не разучились. В Ставропольском краевом академическом театре драмы им. М.Ю. Лермонтова, как правило, зрительный зал заполнен. Возникает вопрос, почему бы в сложившейся обстановке театру не обратить свое внимание на писателя-драматурга, у которого есть что сказать людям?!

Каждая из пьес Кустова раскрывает целые пласты проблем сегодняшнего дня. Политическая ситуация в стране и мире обострила как внутриколлективные взаимоотношения людей, так и межличностные, семейные. И все больше в современном обществе дает о себе знать «разрыв культурного пространства» (по терминологии А.И. Солженицына). Этот разрыв губительным катком прошелся через семьи («возрастной разрыв» или отчуждение поколений). Давно наметился жесткий конфликт столиц и провинции («понаехали тут») – географический разрыв. Все чаще заявляет о себе историческое беспамятство. Наконец, одна из самых трагических составляющих общего распада России – «мировоззренческий разрыв», который связан с утратой национального самосознания и потерей нравственных ориентиров.

Раньше (до перестройки) мы обсуждали эти проблемы «на кухнях» под чаек да легкое вино... Похоже, эту дорожную сердцу поколения семидесятых-восемидесятых годов прошлого века реальность социалистического прошлого (общинного, по своей сути) автор в своих пьесах стремится вернуть назад. Сложные, противоречивые проблемы жизни ему остро необходимо вынести в зал, на большую аудиторию. Хотя бы наметить их, чтобы люди об этом задумались.

Как в авторе, в личности Виктора Кустова соединились три главные ипостаси: литератора, журналиста-публициста и организатора. Отсюда особенность его пьес: они, скорее, литературные, интеллектуальные, чем игровые. Не кровавая остросюжетность в них главное, а течение мысли автора, ее повороты, откровения, открытия, которые по ходу делают для себя герои спектакля (и, конечно же, мы – потенциальные зрители). Через речь драматических персонажей проявляются их характеры и индивидуальность. Только ему одному известным образом ненавязчиво, но упорно драматург последовательно вовлекает зрителя (читателя) в ход событий.

Его главная пьеса «Время шутов» – по жанру детектив, в котором есть убийца-грабитель и есть жертва. Но главное не в этом.

С главным действующим лицом пьесы – Сергеем Ивановичем Галактионовым мы знакомимся в один из самых благостных моментов его жизни. Журналист и писатель, добив-

шийся признания, войдя «в возраст», решил полностью поменять свою жизнь. В уютной подмосковной «глубинке» он покупает себе дом. Вот он входит в него, осматривается, вот задерживается у камина и представляет себе будущее житье-бытье с молодой женой и любимыми книжками.

Увы, все происходит в точности до наоборот. К новому хозяину дома один за другим идут соседи. Познакомиться, «обмыть» приобретение. Односельчане, как выясняется, люди непростые, в основном отставники – либо из органов, либо из силовых структур. Порой с диаметрально противоположными взглядами на жизнь, они образуют нечто вроде информационного пространства, состоящего из разнозаряженных полей; в возникающих симпатиях и антипатиях, беседах и обмене мнениями эти «поля» сталкиваются, искрят, входят в клинч. В горячих выяснениях истины, касающихся целей, приоритетов, приятий и неприятий нашей сегодняшней жизни, рождается логика повествования и главный интерес. Внутренняя политика, обеднение-оболванивание народа; любовь и нелюбовь, продажность чувств и преданность; богоприязнь и безбожие... Разве мы в своей жизни не думаем, не говорим об этом, не ищем ответов на эти вопросы?..

Поскольку беседы ведут люди, уже прожившие большую часть жизни, спонтанно образованное сообщество напоминает эдакое земное «чистилище», где обитатели «пригородной кунсткамеры» делают «работу над ошибками», совершенными в жизни. В этом ВАЖНОМ как бы между делом

находится преступник, укравший у продавца дома деньги и убивший его. Детективная сторона сходит на нет как проходная и банальная. Главное – внутренние открытия, которые в течение максимально сжатого времени делают герои пьесы. С действующих лиц «Времени шутов» спадают шутовские колпаки и обнажается суть...

По своим внутренним задачам к этому произведению близка пьеса «На веранде». Хозяин вымышленной «мемориальной усадьбы» приглашает к себе гостей: отдыхающих либо жителей поселка, не знакомых друг с другом. Одному ему известна логика, по которой все они собраны в одном месте. За общим столом развязываются языки. Темы – самые животрепещущие: жизнь дорожает, молодежь не может найти работу; новое поколение агрессивное и непонятное; испорчены нравы, падает культура; никто уже не может с уверенностью утверждать, где черное, где белое, власть лукавит с народом, а народ с властью. Как жить и что делать в мире со стертыми критериями?! И всех раздражает один и тот же вопрос: зачем все они здесь, в чужой усадьбе?

Хозяин (то ли карбонарий, то ли провокатор) вызывает людей на откровенность и когда страсти начинают зашкаливать, внезапно «раскрывает карты». Если так все в нашей стране плохо, готовы ли они, недовольные, объединиться в общем действии, «чтобы не дать стране развалиться». Шокирующий поворот... И в то же время закономерный.

В сущности, все пьесы Кустова об одном. О нашей с вами

сегодняшней жизни, которая обострена и нестабильна. Но... Коли уж пришло время выставять счета несправедливому миру, то сделать это нужно и по отношению к себе. Может, прежде всего, – к себе... Время шутов потребовало времени работы над собственными ошибками. И чем раньше это случится, тем лучше.

При этом подспудно и негромко во всех пьесах возникает мотив Веры. Как ни крути, но ведь действительно до сих пор ни один мудрец не придумал ничего более простого и мудрого, чем Божьи заповеди. Два поколения родственников из пьесы «Родные», практически утратив близкие отношения, как к спасению однажды устремляются к отеческому дому, где перед старой иконой никогда не гасла лампадка. И в самой «театральной» пьесе «Мой командир», пережив ностальгию по прошлой любви, двое взрослых состоявшихся людей возвращаются к тому, что проверено жизнью и временем – семье, истокам.

Через раздумья, споры, разногласия героев автор старается напомнить читателям (и хочется верить, возможным зрителям) о важности в жизни каждого из нас духовного начала. Как о главном условии человеческого общежития; о единственном крепком фундаменте жизнеобеспечения общества и государства. Когда цивилизация разрушает систему нравственных, духовных ценностей, она разрушает жизнь. Но мы, каждый из нас, ведь можем еще хотя бы попытаться сохранить это в себе. Несмотря на все сложности, испытания

и несправедливость.

Как тут не процитировать самого Виктора Кустова. «Вот, например, Патриарха Кирилла я очень хорошо понимаю, когда он говорит, что нужно поднимать духовность, нравственность, нужно обращаться к морали, к совести, а потом уже делать новую экономику, модернизировать производство. Это мне понятно. Когда же говорят: мы будем модернизировать экономику, и не говорят о том, что сначала для этого нужно обучить школьников, студентов, вообще людей, мне это непонятно.

...Выпускница педагогического института говорит: «Я пойду учителем в начальную школу, если хороший бонус будут платить», но не упоминает о том, что пошла бы в школу, потому что она любит детей, – мне это непонятно. Зато я понимаю, что через модернизацию мы не добьемся, чтобы эта девушка любила детей и правильно их учила.

...Одна из форм вернуть России подлинные ценности – «жить по совести». Что значит – «по заповедям Божиим».

Тамара ДРУЖИНИНА

член Союза театральных деятелей РФ,

Заслуженный работник культуры РФ,

кандидат филологических наук

МОНОСПЕКТАКЛЬ

Я – КАВКАЗЕЦ

Я – кавказец...

Что, не похож?..

А некоторые говорят, похож...

Когда пацаном с родителями в Сибирь приехал, считали, что похож... Может потому, что нос не курносый... И загар хорошо пристает...

В Сибири в те времена, как и сейчас, кавказцев особо не было. А те, что были, из общей массы не выделялись. Лезгинку если танцевали, то исключительно по праздникам и в помещении. Или когда их чествовали за ударный труд. Как, к примеру, нефтяников, когда те нефть находили. Среди них немало было кавказцев. В остальных профессиях тоже встречались, но нечасто. Единичные особи.

На рынках?.. Да, на рынках не единичные.

Грузины в основном.

С цветами и фруктами...

С усами...

Сейчас вот усы приклею...

Похож?..

Ага, «аэродрома» не хватает.

Вот, надел.

Теперь похож?..

Вот и я говорю...

Не знаю, как сейчас, а во времена моей юности и в Иркутске, и в Красноярске мимозу на Восьмое марта только у них можно было купить.

Вот сейчас вспомню... Да, примерно так:

«Случай, малчык, купи сваей дэвачка... Дэвачка рада будет, пацелуй даст...»

Смелый народ, между прочим. Сибирь, мороз под тридцать, а то и за, а они в осенней одежке, с «аэродромом» на голове...

А отчего у них «аэродром» в почете?..

В России в советские времена шляпа была в почете, а у них – «аэродром»... А вы представьте: в шляпе и мимозой торговать...

Вот так...

Купите у такого?..

Не купите.

А теперь кепчонку, которую московский мэр времен капиталистической интервенции и оголтелой прихватизации в моду ввел...

Сейчас, под него...

А теперь купите?..

Вот именно...

«Аэродром» – это имиджевый атрибут торговца. Опознавательный знак. Издалека виден. Как светофор. Нельзя не заметить.

А шляпа... Ну, шляпа, это скорее фонарь... Который днем выключить забыли, вот и бросается в глаза, хотя совсем не нужен.

А кепочка мэрская – это хотя и не «аэродром», но намекает, что-то у ее обладателя есть на продажу, только надо не во всеуслышание спрашивать, приватно...

Но это я так, к слову... Отступление от темы. Импровизация.

Н-да, сам не ожидал, что к таким выводам приду...

Так о чем я?.. Ах, да, об истории.

Я впервые море увидел, когда студентом был. Каспийское. Есть в Азербайджане такое местечко, где нефтяные вышки из моря не торчат. Тогда не торчали, теперь не знаю. Бузовны называется. Это на электричке от Баку чуть больше часа ехать. Железная дорога вдоль берега идет. По одну сторону насыпи в том месте пляж большой и море. По другую – то, что дачами называлось: домики на песке и кусты виноградные...

Не вру, так было. Сейчас, наверное, виллы стоят, не узнать...

Я там одно лето жил. Отдыхал после сессии. Мой знакомый своего знакомого, бакинца, капитана каботажного плавания, уговорил мне, студенту, прикатившему из холодной Сибири, чтобы отогреться, разрешить на его даче пожить.

Жаркое лето было. Вода в море под тридцать градусов, на суше за тридцать. Медуз мелких... Удобнее всего было без плавок плавать, тогда некуда им забиваться... До обеда в море еще терпимо, а потом свариться можно. И ночью никакой прохлады. В мокрую простыню...

Вот так... То ли римлянин, то ли грек древний... Завернись, посплю, пока от сухости она не захрустит, и по новой... Так раза три за ночь.

Была у меня там знакомая... Девочка... Зуля. Зульфия. Губы тонкие, злые... Лицо маленькое, смуглое. Да и сама вся маленькая, гибкая... Нет, ничего не позволяла, только целоваться. Времена такие были. Нравственные... Азербайджанка. Но, похоже, с примесью турецкой крови...

А еще был дедушка Хасан. Мы с ним вдвоем на все дачи бездельничали... Нет, вру, бездельничал я. Дед Хасан сторожил дачи. По-русски он знал: «малчык»; «ходы суда»; «ай-й-й-й», «дэвачэк нэлза»... А может, и больше знал, но ленился язык ломать.

И у него была большая палка-посох...

Вот эта...

Нет, конечно, шучу. Я бы ее не сохранил за столько лет. Да и дедушка не отдал бы. Скорее отходил бы этим посохом...

Он вставал раньше меня. Может, даже раньше солнца, потому что, когда я шел к морю, он уже сидел на железнодорожной насыпи. Насыпь была довольно высокой, и с нее хорошо просматривались все дачи.

Он молча отвечал на мое робкое «здрасьте» и провожал пристальным взглядом выцветших глаз из-под кустистых седых бровей, который не скрывал знания всей моей подноготной...

...А вообще азербайджанцы веселые и добрые люди. Только в отличие от грузин не такие шумные. Но также к деньгам, как к мусору, относятся. Относились тогда во всяком случае. Надо тебе что-то купить, давай, что у тебя есть, никто в обиде не будет... В автобусе мелочи сколько загреб, водителю отсыпал, тот мелочиться, пересчитывать не станет. А нечего сыпать, было у меня такое, иди так, с Аллахом...

А город Баку мне понравился. Набережная красивая. По старому городу побродил. Не один. В метро от жары прятался. Не московское, конечно, но под землей...

И национальных мелодий наслушался...

Теперь как услышу эти звуки, чувствую волнение...

Зной в них.

Шуршание песка.

Шелест теплой волны.

И тонкая Зуля...

Сейчас звук добавлю...

А еще. Муслим Магомаев... Полад Бюль-Бюль оглы...

Кого слушаем?..

Давайте Полада, его мало кто сейчас помнит...

...В Тбилиси я только проездом был.

«Мимино» много раз смотрел.

А еще «Не горюй». Очень понравился. Замечательные в этом фильме грузины. Не унывающие, темпераментные, щедрые...

«Боржоми» доставал по благу, когда студенческое питание на желудке отразилось.

Теперь вот покупаю свободно в магазине. Правда, совсем недавно завозить разрешили. Даже «Боржоми» разрешение власти требуется...

И этикетка другая. Произведено уже не в Грузинской Советской Социалистической Республике, а... сейчас посмотрим... в Грузии.

«Бабушку, Илико и Иллариона» читал.

Нодар Думбадзе написал.

Грузин.

Может, кто еще помнит. В одной стране все-таки жили...

Вот эту его книжку я в библиотеке нашел.
Прочту. Чуть-чуть... О грузинской любви.

«Справа от моего села протекает река Губазоули, слева – небольшая речушка Лаше, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды сваи. И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии. Я люблю его больше всех сел на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада...»

Дальше сами, если захотите, прочтете.

Я думаю, в библиотеках книги Думбадзе еще сохранились. Хотя для многих Грузия сегодня ассоциируется с другой фамилией. И с любовью к другой далекой заморской стране... К другим ценностям.

Эти другие ценности в какой-то мере коснулись и меня.

Один из родственников Думбадзе, я думаю, все-таки из дальних родственников, самых дальних, сильно меня огорчил. Уже когда по разным странам мы разбежались. Немножко, как это сказать поделикатнее, нечестным оказался...

Но я не сомневаюсь, это дальний, очень дальний родственник, хотя и фамилия у него такая же...

А так больше с грузинами дороги не пересекались.

Если, конечно, не считать самого великого грузина, который державу создал, когда меня еще и в помине не было. И в этой державе я потом рос и вырос. И много чего узнал и пережил, пока держава великого грузина не рассыпалась...

А последнее время ни в кино грузин больше не вижу, ни книг не встречаю, и грузинского, такого оптимистичного, мужского многоголосья за щедрым по-южному столом, не слышу...

Жаль, если в памяти других народов только «аэродром» и останется...

В Ереване я тоже коротко был.

В командировке.

Только и успел в знаменитый Сардарапат, музей этнографии, заглянуть. Правда, смутно уже помню, что там меня поразило. Думаю, прежде всего непостижимость времени.

Ну, а Ереван, как и большинство старых городов, и похож, и не похож на многие другие такие же древние. Я, честно говоря, архитектурным памятникам и музеям предпочитаю движение улиц. Нравится прохожих разглядывать. Выражение лиц...

У армян – контрастные, запоминающиеся.

Отношения наблюдать... Землячеством они крепки. Вероятно, следствие пережитого в двадцатом веке. В начале века – турецкое нашествие, в конце – разрушительное землетрясение в Спитаке...

Характеры... Как у всех народов, разные..

Черты... Наверное, трудолюбие... Во всяком случае, трудолюбивых армян я на своем веку больше встречал, чем ленивых...

Армяне по обе стороны Кавказского хребта живут. Трудно сказать, на какой стороне их больше.

У меня друг был, Леша. По эту сторону хребта.

Отец – русский, мать – армянка. Дед по матери – купец первой гильдии.

Армяне умеют торговать. Когда казаки ставропольскую крепость заложили, без них обойтись не смогли, некому было товар привозить. Пригласили. Офшор гарантировали. Те рынок основали, первые улицы вокруг него под крепостной стеной выстроили...

Так вот, Леша точно знал, что дед его, ростовский купец, где-то в своем саду, который потом вместе с особняком стал территорией советского учреждения, клад зарыл. В то время миноискатели еще свободно не продавались, поэтому, прежде чем нам темной ночью отправиться на поиски спрятанного от реквизиции советской властью Лешиного наследства, надо было этот военный инструмент добыть.

...Нет, не такой... Это уже современный. Теперь клады можно свободно искать.

А мы пару лет искали доступ к военным закромам, думаю, уже на примете у контрразведки были. Но не успели продаж-

ного интенданта найти, грянула перестройка, не до кладов было...

Потом Леши не стало... Молодой был, а вот не выдержал перемен...

Другой друг, чистокровный армянин, на той стороне Кавказского хребта детство оставил. Родная сестра тоже там. А на этой стороне женился на русской девушке. Дом построил. Сынов вырастил. Родителей уже на этой стороне похоронил...

...В прошлом веке две большие охоты на людей были. Сначала на армян. Потом на евреев...

Армяне вторыми после евреев христианство приняли.

И Арарат, их священная гора, в Турции. Хотя хорошо из Еревана видна.

Вот такая у них история.

А у меня короткая командировка была. К пограничникам. Еще советским. В Октемберянский район. На заставу.

С заставы до Арарата тоже рукой подать... Впечатляет.

Жаркие дни были, середина лета, а тут белоснежный конус перед глазами. Взглянул- и уже не так жарко...

На турецкой стороне за речкой муэдзин периодически на молитву приглашал. В аккурат над мечетью и вздымалась пристань Ноя... Я у погранцов бинокль брал, чтобы разглядеть муэджина. Ну и Арарат, естественно.

...Это уже современный бинокль, у погранцов полевой был...

И вот, как сейчас, все смотрел, смотрел... Но так ковчег или что там от него осталось не разглядел...

Муэдзина?..

Муэдзина разглядел. Старичок. Худенький. С седой бородкой, такой длинной, клинышком...

А может, не увидел ковчег, потому что вглядеться времени не хватало. С утра жизнь пограничную разглядывал, а по вечерам с офицерами предавался застольным беседам. В первый день комсомольские активисты с Октемберяна, ныне Армавир называется, нагрянули. С канистрой коньяка. Прямо с завода, из дубовой бочки.

Коньяк армянский, я вам скажу, самый лучший был в те времена. Тем более, с завода, без обмана. Я думаю, он и сейчас самый лучший, поэтому его и заставили называть армяньяком. Честной конкуренции ведь не бывает, это отмазка, мол, французы первые... Пил я французский, не лучше. А на мой вкус, так хуже... Если только настоящий армянский, а не подделка.

Так вот, канистра стояла возле стола, и лейтенантик, недавно прибывший на заставу, виночерпием был. Разливал по старшинству. Сначала гостям – таков закон гостеприимства на Кавказе, потом старшим по возрасту. И только после этого старшим по званию... Ну а ему как шопе, то есть обслуживающему персоналу, пить не позволялось. Так, пригу-

бить...

Н-да, интересные у нас беседы были. Интернациональные...

Ну и пару раз я с дозором границу обошел.

Через контрольную полосу при мне только звери ходили.

А на турецкой стороне, так же, как на нашей, тогда мирно жили.

На этом мои познания о той стороне Большого Кавказского хребта исчерпываются. На той стороне только бывать довелось. Жить – на этой.

Одни горные вершины только с разных сторон видим.

Раньше знали, теперь больше догадываемся, что по обе стороны неплохие люди живут.

По эту сторону, где я живу, государство одно, а народов множество. И у каждого своя история.

Когда попал в эти места, первое время голова закружилась. Потерял ориентацию во времени и пространстве. Так потерял, что мои новые знакомые решили меня привести в чувство традиционным методом. И собрались мы, представители разных национальностей, на даче у молодого в те времена карачаевского писателя Муссы Батчаева на его даче над только что опавшей после паводка Кубанью.

Это сегодня он классик, а тогда был просто талантливый автор.

И дачка у него была по стандартам того времени – маленький, в одну или пару комнат, домик с увитой поздним вин-

ным виноградом верандой. На ней за столом мы и сидели. Июньским южным томным вечером.

Зной уже спал.

Наступил час блаженного ничегонеделания.

И душевного отдохновения.

Классик еще не знает, что он классик и ведет себя как простой смертный. Пьет вино и поддерживает разговор.

О чем?

О том, о чем в то время не принято было говорить официально.

О депортации карачаевского народа и возвращении на родину.

Юсуф Созаруков, тогда начинающий карачаевский поэт, пишущий на русском языке, помнящий казахские степи, обиды не скрывал.

Мусса – постарше, помнящий больше и лучше, выдержаннее.

У него уже несколько книг переведены на русский и вышли в Москве.

Я сейчас одну покажу...

Вот она.

А в этом сборнике есть повесть «Аул Кумыш».

Кто бывает в Теберде или Домбае по дороге через Черкесск, его обязательно проезжает. Большой аул. Родина Муссы. Здесь он и похоронен.

«Не приходилось ли тебе когда-нибудь бывать в обычном карачаевском ауле, известном, прямо скажем, лишь тем, что он никому не известен? Почему? Да потому, что такой аул прячется в горах, в укромном месте, в стороне от людских широких дорог. И ты будешь прав, если скажешь, что он, по всей вероятности, непричастен к существованию на земле всех семи больших и семидесяти мелких чудес. Ты прав – к этому он непричастен.

Итак, будь у нас гостем, путник!»

Будь гостем, приглашает карачаевский классик Мусса Батчаев.

Гостю уважение и защита.

Завоевателю – отпор.

Я вот задумался тут, как от толерантности, то есть терпимости, к дружбе вернуться.

Чем можно объединить множество народов, собранных в этих предгорных и горных местах?..

И была ли дружба в державе под названием СССР?

Была.

И русских в Грозном, Махачкале, Нальчике, Черкесске много жило. И не боялись друг друга. Не точили кинжалов. Заводы строили, землю пахали... Национальную интеллигенцию возвращали...

Не элиту. Элита – это у животных. Это когда больше, но

не умнее.

У интеллигенции главное богатство не в кормушках да на счетах – в интеллекте. Оттого и понимала интеллигенция национальных меньшинств, какую возможность ей советская власть предоставила: своей маленькой культурой войти в большую, бессмертную... Своей краской, нитью влиться в волшебное большое полотно...

Между прочим, у карачаевцев собственная письменность появилась только в начале прошлого века, уже после Октябрьской революции.

А вообще карачаевцы – потомки половцев. Так ученые считают. Но не все. Половцы были степняки, а карачаевцы живут в ущельях....

А вот калмыки были горцами, а теперь живут в степях. Поэтому Пушкин и выправил «сына степей» на «друг степей калмык»...

Далеко их занесло в свое время от прародины. Но религию собственную не растеряли по дороге.

А в ущельях мир другой...

Довелось мне бывать в карачаевском ауле, выше которого только белые вершины, а верхушки деревьев остаются под подошвами. И услышал я там такую легенду. Жила в этом ауле перед Великим Октябрем воинственная карачаевка, которую даже мужчины уважали и слушали. И когда докатилась сюда молва о том, что творится в долине, решила она закрыть свой аул, свою страну от враждебного мира. Там, где

Кубань прорезала самое узкое ущелье, поставила отважных джигитов, чтобы те никого не пропускали. Но все-таки прошел как-то отряд то ли красных, то ли белых и забрал то, что хотел, прежде чем перейти в другое ущелье. Тогда она решила завоевать неведомую ей Москву, откуда те пришли. Для этого, она посчитала исходя из численности прошедшего отряда, ей нужно было двести отчаянных джигитов. Молодых, горячих. И велела она собрать всех подростков в одном месте и обучать их воинскому искусству...

У этой легенды не ясен конец. Воспитала ли она подростков в отчаянной любви к родному ущелью и в непримиримой злости к внешнему миру или не успела?..

А может эту легенду придумали уже после возвращения из изгнания аксакалы для укрепления духа.

Но что точно было это – наказ старейшин тем, кто возвращался: на родной земле рожать без устали, чтобы народ множился и занимал свою землю, вытесняя чужаков...

Да, несколько слов о калмыках...

Это ведь тоже Кавказ. Его история, во всяком случае.

У этого народа вера самая древняя и мудрая.

Настолько мудрая, что их не слишком и видно.

А история длиннее многих шумных государств-новорождений.

Такая же длинная история и у ногайцев.

Те тоже спокойные... Словно знают неведомое остальным....

Народы как люди: рождаются, взрослеют, стареют...

Юные народы – драчливые.

Старые народы – мудрые.

У старых народов и летописцы мудрые.

В те времена, когда познакомился с классиком карачаевской литературы, я и с классиком ногайской подружился. И был тогда Иса Капаев молод, но уже известен далеко за пределами своей родины. Всей читающей стране. В журнале «Юность» печатался.

Сейчас покажу, как этот журнал в те годы выглядел.

И книжки у него в Москве уже выходили.

Вообще Москва в то время любила кавказцев.

Вот, прочту для затравки, как раньше писали...

«Быстрая езда на грузовике волнует не меньше, чем стремительная скачка на горячем аргамаке. Я стою, опираясь руками о железо кабины, нахлобучив кепку на самые глаза. Встречный ветер, перемешанный с песком и пылью, хлещет в лицо. Впереди необъятная, пахнущая зноем степь. Синий горизонт как бы в одной упряжке с солнцем – не догнать ни на каком скакуне... Белые ковыли, серые полынные, зеленые разливы люцерны, желтизна пшеничных полей мчатся навстречу. Кажется, все однообразно в этой степи. И вдруг

среди седого ковыля, как неожиданная мысль – сверкнет одинокий алый мак...»

Что тут скажешь... Орда. Хан Ногай и его потомки.
Немного осталось от этого великого народа.

И черкесов теперь не намного больше.

Черкесы прославились черкеской с блестящими газырями
и буркой.

Черкеска – это бальное платье для джигита.

Вот, надел – и я уже джигит.

Бурка – это маленький домик на одного.

Накинул сверху на плечи...

Теперь ветер, дождь, метель не страшны...

А прославлены черкесы Михаилом Юрьевичем Лермонтовым историей о красавице Бэлле...

Это вы знаете.

Еще один народ с историей, разделенный хребтом, – абазины – абхазцы...

Народы-братья...

По разную сторону Кавказского хребта.

В девяностые годы прошлого века мой знакомый абазин Азамат, бывший комсомольский, а затем партийный функционер, немало средств и сил вложил, помогая своим бра-

тъям стать свободными... От грузин...

До этого я не сомневался, что эти два народа, грузинский и абхазский, – братья.

Что Нодар Думбадзе и Фазиль Искандер – братья.

Вот у меня томик Искандера. Этот искать, как книгу Думбадзе, не пришлось. Искандер давно уже не был на своей родине. Можно сказать, он по месту проживания – москвич. Но не по прозе...

Вот, прочту, чтобы поняли, что я имею в виду....

«Порывы озонистого воздуха порою трепали его голос, как белье на веревке, иногда слишком сильный порыв ветра, оборвав кусок недослышанной мелодии, уносил его с собой и вышвыривал ее на берег.

Иногда наоборот, как бы заталкивал назад в его поющий рот уже спетую часть песни, но Арменак, напряжинившись, вышибал ее из глотки последующим куском мелодии, и в воздухе несколько мгновений дребезжали куски мелодии, заклинившиеся и рвущиеся в разные стороны, как сцепившиеся собаки».

Это из «Сандро из Чегема».

Да, беспокойно стало на Кавказе в конце прошлого века...

Одна война заканчивалась, другая назревала...

Осетины – народ маленький, но гордый.

Впрочем, как все горцы.

Я во Владикавказе на военных сборах был.

Служить в армии не довелось, военная кафедра была, офицерское звание получил.

Лейтенанта...

А военная форма мне идет.

Сейчас оцените...

...Вот как китель сидит...

Живот сразу втянулся, плечи шире стали...

Не понимаю, отчего пацаны от армии косят. Надо же где-то себя мужчиной в полной мере ощутить...

Сейчас вот еще фуражечку...

Вот так...

Теперь другая форма, в ней таким молодым трудно выглядеть...

Так вот о сборах. Для информации: в Советском Союзе офицеров и солдат, вышедших в запас, периодически собирали для повышения военной квалификации. Узнать, что в уставе, тактике, вооружении изменилось, и пострелять на полигоне. Из боевого оружия и из прочей техники, если к ней приписан.

Владикавказ – город с историей.

Через него шла единственная дорога, Военно-Грузинская, на Тифлис-Тбилиси. А там дальше и в турецкий Арзрум, ку-

да Александр Сергеевич Пушкин съездил и путешествие это описал.

Во Владикавказе врач Михаил Булгаков прожил почти целый год. Одна тысяча девятьсот девятнадцатый.

Здесь появился один из первых русских театров на Северном Кавказе.

Это после перестройки Северная Осетия стала основным производителем водки. До этого другие ценности преобладали...

Но в этом городе всегда было много военных.

Мы тоже там на сборах изучали, что еще изобрели люди для убийства друг друга. На полигоне тренировались поражать мишени. Хорошо, что картонные.

У меня получалось.

Я все-таки когда-то охотился.

Пока не понял, как это неправильно – лишать жизни беззащитное существо.

Оправданием может служить только необходимость защититься или выжить.

Спортивная охота – это убийство.

Для кого-то Чечня была спортивной охотой...

А у Льва Толстого кунак был, чеченец Сато. Толстой ему плохонькое ружьишко подарил, а Садо в ответ дорогую шашку. А потом и коня. И от своих воинственных соплеменни-

ков защитил... Можно сказать, русскую литературу спас...

Выходит, им война была не нужна.

А кому она нужна?..

Никто не сознается.

Я не везде на Кавказе был.

Но много имен знаю.

Имен, впечатанных в историю.

И это не имена толстосумов или начальников.

Это имена тех, кто ткал общий ковер духовности. Ковер дружбы.

Кайсын Кулиев – балкарец. Алим Кешоков – кабардинец. Разные народы, разные культуры. И человеческая дружба до конца дней. И оба в памяти народной.

Расул Гамзатов – певец, без которого Дагестан безголос.

«Веками учил ты и всех и меня

Трудиться и жить не шумливо, но смело,

Учил ты, что слово дороже коня,

А горцы коней не седлают без дела.

И все же, вернувшись к тебе из чужих,

Далеких столиц, и болтливых и лживых,

Мне трудно молчать, слыша голос твоих

Поющих потоков и гор горделивых».

Это Гамзатов о своей родине, о Дагестане.

Тем, что есть, не дорожим... Не дорожили, поэтому и державу разрушили.

Всем так захотелось свободы, самостоятельности...

А ведь неплохо жили на национальных окраинах. Лучше, чем в русской глубинке – на той смоленщине или вологодчине...

И примеряла местечковая власть, уставшая от догмата Москвы, как малыш одежку взрослого, как бы сама распоряжалась... И как тот же подросток, уверена была: знает лучше и больше взрослого... Не подозревая, что заводы, фабрики, колхозы и все, что работало при советской власти, при импортируемом с Запада новом строе полных прилавков не нужны станут.

Думали, что изобилие товаров важнее дружбы.

Не ведали, что Западу своего наработанного, произведенного, выращенного девать некуда и не заводы нужны в большой стране, а большой, голодный, жадный до материального изобилия базар.

Ишак, перед которым так долго маячил клок сена, вдруг понял, что может его достать...

Нет, мы конечно не ишаки. Но иногда бываем не умнее их.

Обижены были чеченцы, карачаевцы и те же калмыки на власть Советов?

Обижены.

Но не более, чем столичные диссиденты.

Вернувшись в родные места после изгнания, они жили бок о бок с русскими.

А мы бок о бок с ними.

Вместе строили, производили, выращивали...

Они женились на русских... И наоборот.

Детей рожали, которые одинаково два родных языка знали... Две культуры.

*Говорят, я не сын
этих гор, этих рек -
Не потрафил строкой
ритмам горского вкуса.*

*Не услышал стихов
седоглавый Казбек,
Не затеплилась песнь
в изголовье Эльбруса.*

Лгут. Бессовестно лгут!

Я метался меж скал.

*Шат-гора и Казбек -
тема тайны глубокой,*

*Ведь не зря же здесь гений
поэта витал,*

*По ущельям струя
свет души одинокой.*

Он терзался и пел.

Я шагнул ему вслед

*И с вершин оглядел
дорогие просторы,
И, как тысячи стрел,
в сердце скопища бед,
Стон берез и полей
обреченные взоры.
Да, там горе и скорбь!
И я ринулся с гор
В бой за Русь, как солдат,
от родного порога.
Пораженья мои –
дням бесстыдства укор,
Я же пел и пою,
что далось мне от Бога.*

Это стихотворение из вот этого томика «Моя журавлиная Русь» народного поэта Карачаево-Черкесии Михаила Бегера.

Он родился в Черкесске, здесь вырос и стал поэтом.
Настоящим русским поэтом.

Более двух сотен лет пришли сюда казаки. То ли народ,
то ли сословие.

Я думаю, все же сословие.

Сословие, занимавшее место между дворянами и разночинцами.

Со своим менталитетом.

Схожим с сибирским.

Почему так думаю? Исхожу из личного опыта. Жена у меня считала себя сибирячкой. Выросла на берегу Байкала. Гордилась этим. Обижалась, если напоминали, что родилась она, правда, в другом месте. А тут вдруг решила своей родословной поинтересоваться. И выяснилось, что оба ее деда, репрессированные в тридцатые годы, казаки. По отцу – донского войска, по матери – кубанского.

Вот и задумалась. Но характер, со стороны виднее, казацкий у нее. Другое дело, что не особо разнится он с сибирским. Оба на воле да на преодолении препятствий замешаны.

Нет, не случаен Кавказ в истории России.

Как и Россия в истории Кавказа.

Свободолюбие и искусство политической дипломатии – вот основные уроки, получаемые на Кавказе и по сей день.

И именно Кавказ оплодотворил русскую культуру.

Но не только русская культура вышла оплодотворенной из многонационального горнила и социальных катаклизмов этого исторического соединения места и времени. Общественная мысль, критерии оценки элит, гражданские постулаты общества и отношения человека и государства начали формироваться именно здесь. Военная верхушка и терпеливые солдаты, проповедующие патриотизм, казаки, предпочитающие опасную свободу безопасному прозябанию в кре-

постничестве, ссыльные вольнодумцы, отчаянно-безрассудные, вышедшие на «декабрьскую площадь», рискованные авантюристы всех мастей и творческие люди – вот кто устремился сюда, на эти просторы, одержимые поиском новизны отношений, чувств, красок, звуков...

Сюда шел отборный люд, уверенный в себе, в своей удаче, фарте...

Все вместе, народы разных национальностей, вер, культур, все мы – кавказцы...

И неважно, что я родился совсем в другом месте России. Живу на Кавказе.

А значит, кавказец.

ПЬЕСЫ

ДВЕ СУДЬБЫ

Действующие лица:

Марина

Юра

Надя

Сергей

Журавлев

Журавлева

Купов

Синицын

Зотова

Буров

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Картина первая.

Комната в общежитии. Аккуратно заправленные кровати, на столе учебники, свернутые чертежи. На кровати в домашнем халате сидит Марина, довязывает модную шапочку. Вбегает Надя. У нее прекрасное настроение, она возбуждена.

НАДЯ. Мариночка!.. (Подсаживаясь). Мариночка...

МАРИНА. Подожди, довяжу... Петля... Петля... Соби-

ешь, английская вязка, самая модная.

НАДЯ (вскакивая). Боже, какая проза! Петли, шапочки, покой...

МАРИНА (вертит шапочку, примеряет перед зеркалом). Нормально?

НАДЯ. Да это же скучно, Марина!

МАРИНА. Тебе скучно, мне – нет...

НАДЯ (обнимая подругу). Ладно, не обижайся... Просто у меня хорошее настроение.

МАРИНА (с иронией). Ты от него без ума. Как Наташа Ростова от Болконского.

НАДЯ. Больше... Он... Я его люблю, понимаешь, люблю...

МАРИНА. Пройдет.

НАДЯ. Как ты можешь?.. Мы любим друг друга, мы не сможем жить один без другого...

МАРИНА. Ну да, Ромео и Джульетта, ах – навсегда, ах – до смерти... Литература... Господи, какая ты глупенькая... Любовь, любовь... Какая там любовь – половой инстинкт. О чем он думает, когда тебя обнимает?.. Только об этом... Все они одинаковы.

НАДЯ (сердито). Ну, знаешь... Перестань. Ты сама не веришь в то, что говоришь.

МАРИНА. Мне верить не надо, я знаю. Им одно подавай, а нам – другое. Если разобраться, так вовсе мужики и не нужны. И любви никакой нет, все только притворяются, не

сидеть же в девках... Главное, чтобы муж слушался да подчинялся, вот тогда и счастливой будешь... без всякой любви... Мой как шелковый будет.

НАДЯ. С такими мыслями я бы на твоём месте вообще не выходила замуж.

МАРИНА (вертясь перед зеркалом). Нельзя, Надь. Во-первых, родители не поймут. Во-вторых, окружающие осуждать, а то ещё жалеть станут. В-третьих, две зарплаты все же лучше, чем одна. В-четвертых, гвоздь там забить, полочку сделать, что-нибудь тяжелое перетащить – мужская сила нужна... И детей от кого-то рожать надо.

НАДЯ (обнимая подругу, с жалостью). Мариночка, ты правда никогда никого не любила?

МАРИНА. Брось ты, глупости все это, я же говорю. Знаешь ведь сколько у меня парней было, другая позавидует. Прогонять надоедало... И на руках носили, и плакали, один даже застрелиться грозился... Смех... Есть оно и ладно, нет – не страшно, не уродина ведь, найду. Какая там любовь... А мальчики были – закачаешься...

НАДЯ. У тебя и Юрка хороший.

МАРИНА. Юрка – теленок. Но мужа я из него сделаю... Надюха, приезжай в гости годика через два, покажу...

НАДЯ. А мой Сережка если б узнал, что я его не люблю, никогда бы со мной ходить не стал.

МАРИНА. Твоего Сережку, если хочешь знать, я бы близко к себе не подпустила. Дурочка ты, Надюха, он тебя обма-

нывает, а ты радуешься. Обожди, вот добьется своего и бросит. С ребенком...

НАДЯ. Перестань.

МАРИНА. Так и будет.

НАДЯ (со слезами). Перестань, я прошу.

МАРИНА. Хорошо, хорошо... Эх, жалко мне тебя...

В окно стучает камешек. Марина выглядывает.

МАРИНА (с иронией). Сереженька твой отирается...

Надя мечется по комнате, поправляет перед зеркалом прическу, машет в окно.

НАДЯ. Я побежала.

Оставшись одна, Марина еще раз примеряет шапочку, потом бросает, подходит к окну, долго смотрит вслед уходящим Сергею и Наде, вздыхает. Достает из-под кровати чемодан, из него несколько фотографий. Раскладывает как пасьянс и оценивающе разглядывая, по одной откладывает в сторону. Последнюю долго рассматривает, читает надпись на обороте. В дверь кто-то стучит.

МАРИНА. Одну минуту. (Убирает чемодан, приводит себя в порядок). Войдите!

В комнату робко входит Юра.

ЮРА. Мариночка... Мы опаздываем...

МАРИНА (недовольно). Иду, иду... Ну что ты стоишь, подожди в коридоре, я оденусь.

Юра послушно выходит.

МАРИНА (кричит). Можешь вниз спуститься, не стой как истукан!

Картина вторая

Вечерняя аллея. Бледнеют редкие фонари. Скамеечка. Появляются Сергей и Надя. Сергей идет, засунув руки в карманы пальто. Надя, балуясь, то приникает к нему, то отходит, напевая и кружась.

НАДЯ. Сереж, а ты любил кого-нибудь кроме меня?

СЕРГЕЙ. Нет.

НАДЯ. А вот скажи, тебе приятно со мной гулять, приятно?

СЕРГЕЙ. Приятно.

НАДЯ (останавливаясь). Почему?

СЕРГЕЙ. Ты красивая.

НАДЯ. И только?

СЕРГЕЙ. Наверное, не только.

НАДЯ (после паузы). А тебе нравится выполнять мои желания?

СЕРГЕЙ. Да.

НАДЯ. Правда?.. Тогда поцелуй меня.

Целуются.

НАДЯ. Марина говорит, что любви нет.

СЕРГЕЙ. Она просто дура.

НАДЯ. А мне ее жалко. И Юрку жалко, он ведь ее любит... А что лучше, когда тебя любят, а ты нет, или когда ты любишь, а тебя совсем не любят?

СЕРГЕЙ. Если меня.

НАДЯ. Нет, лучше, когда оба, как мы, а потом, когда ты любишь... А когда тебя, а ты нет, это неприятно, тяжело... Ты меня очень любишь?

СЕРГЕЙ. Да, я тебя очень люблю... Надя, нам нужно серьезно поговорить...

НАДЯ. О чем?

СЕРГЕЙ. Давай посидим. (Садятся на скамейку). Тебе не холодно? Мы уже не маленькие, правда ведь?.. И у каждого была своя жизнь, до нашей встречи, правда?

НАДЯ. Ты меня спрашиваешь?

СЕРГЕЙ. Ты же не будешь спорить, что это не так...

НАДЯ. Я слушаю.

СЕРГЕЙ. Видишь ли, я сегодня получил письмо... (Достает из кармана мятый конверт). Прочти.

НАДЯ. Плохое?.. Не хочу, не надо.

СЕРГЕЙ. Я тебе говорил, что у меня была девушка на практике. Это письмо от нее.

НАДЯ. Я не хочу.

СЕРГЕЙ. Я люблю тебя. (Обнимает, целует Надю). Я рад, что мы встретились, что ты была у меня.

НАДЯ. Была?..

СЕРГЕЙ. Та девушка... Короче, она моя жена, понимаешь, я ее не любил и не люблю, но так все получилось. Я ее просто пожалел и вот письмо... У нее родился ребенок...

НАДЯ. Жена?.. (Приникая к нему). Но ведь ты любишь

меня?

СЕРГЕЙ. Конечно, я люблю только тебя. Но у нее родился сын. Она грозит написать в институт. Прочти. (Протягивает письмо).

НАДЯ. Не хочу...

СЕРГЕЙ. Я должен на ней жениться, понимаешь...

НАДЯ. Почему должен?

СЕРГЕЙ. Пойми, Наденька, все так непросто. Ты ведь любишь меня, тебе безразлично, что со мной будет... У меня карьера... А это пятно...

НАДЯ. Но ведь я буду с тобой.

СЕРГЕЙ. Ты... Начнутся разборки... Это скажется на моем имидже... Ты ведь не хочешь быть женой заурядного человека?

НАДЯ. Мне все равно, кем ты будешь. Я люблю тебя, я всегда буду любить.

СЕРГЕЙ. Надя, ты не думаешь обо мне. А как же я, мои мечты, мои планы?..

НАДЯ. Сережа...

СЕРГЕЙ (обнимая). Хочешь, мы будем вместе, снимем квартиру и будем жить вместе, а там... а там с ней все будет формально, на бумаге...

НАДЯ (отстраняясь). Ты хочешь, чтобы я была твоей любовницей?

СЕРГЕЙ. Потом, когда все уладится, я оформлю развод и нам никто не помешает, никогда, всю жизнь, Наденька...

НАДЯ. Счастья через несчастье не бывает.

СЕРГЕЙ. Бывает, бывает! Посмотри, вокруг все так живут, это же жизнь, а не учебник! В ней все есть, Наденька, и наше счастье зависит только от нас. Ты согласна?

НАДЯ. Нет. (Поднимаясь). Нет! (Бежит по полутемной аллее).

СЕРГЕЙ. Надя! Надя! (Делает несколько шагов, останавливается и, засунув руки в карманы, медленно идет в другую сторону).

Картина третья

Институтский коридор. Группками проходят студенты. Слышатся отрывистые фразы.

– Ну как?

– Остаюсь.

– Ты куда?

– На Сахалин.

– Сам выбрал...

– Сам, на край света...

Появляется Сергей

– Серега, о'кей.

СЕРГЕЙ (вяло). О'кей, о'кей.

– Везет человеку, такое предложение...

– Серега, не зазнавайся, большим человеком станешь...

СЕРГЕЙ. Иди, иди.

Все уходят, он остается один. Появляется Надя. Она чуть не налетает на Сергея, и увидев, замирает.

СЕРГЕЙ. Извини.

Надя молча проходит мимо. Опять появляется группа возбужденных ребят.

СЕРГЕЙ (зло). В Сибирь надо ехать, или на Дальний Восток. Там сейчас такие дела, деньги, перспективы, слава, почет...

– Что же ты не поехал?

– Мама его не отпустила.

– Он в политики пойдет, там его научат...

– Мужики, а ну его, пошли...

Уходят. Сергей бредет следом.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Картина первая

Прошло три года...

Большая квартира, обставленная с мещанской роскошью, с претензией на вкус. Развесистый фикус и несколько декоративных кактусов отделяют уютный уголок, куда любят отходить парочки. Обстановка создает ощущение лицемерной

доброжелательности. В комнате Журавлев, Журавлева, Купов, Синицын, Надя. Появляется Зотова.

ЗОТОВА. Товарищи, ну что это такое, какая серая, скучная обстановка... Мужчины, почему позволяете скучать женщинам...

КУПОВ (откладывая книгу, которую он бездумно листал). Верочка, без вас все желтеет и вянет, без вас мы – это тело без души. (Лениво целует Зотовой руку).

ЗОТОВА. Что ты, Славик... (Заметив Надю). Кстати, вы уже познакомились?.. Ай-яй-яй, не узнаю, не узнаю... Надя, не прячьтесь за фикусом, робость – в наш век качество сугубо мужское. Идите сюда. (Купову). Это милая Надя, будущее научное светило.

КУПОВ. О... (Целует Наде руку). Вы действительно светило?.. (С иронией). Восходящее... Нет, я в это верю, я верю в милую Надю...

ЗОТОВА. Надюша, не смущайтесь. И не робейте. А еще не верьте, у Вячеслава такая работа, много говорить и тут же забывать, о чем сказал.

КУПОВ. Вера Федоровна...

ЖУРАВЛЕВ. Надя... Надежда, значит... Вы работаете с нашей милой хозяйкой? (Пожимает руку).

НАДЯ. Да.

ЖУРАВЛЕВА. Надюша, оставьте мужчин, давайте сколотим свое женское общество, на кухне...

КУПОВ. Нет, Машенька, оставьте нам Наденьку. Какой

вам прок от еще одной женщины... Женщины для мужчин – мужчины для женщин.

ЖУРАВЛЕВА. Боже, у вас симптомы, вам надо скорее влюбиться.

КУПОВ. Симптомы? Очень интересно. Чего же? Уж не маразма ли?

ЖУРАВЛЕВА. Хронического холостяка. (Уходит).

КУПОВ (наигранно вздыхая). Влюблялся... Безнадёжно... Каждый год с первого класса.

СИНИЦЫН (словно проснувшись). Простите, а вы не знаете, что можно купить за шестьдесят три советских копейки?

НАДЯ (удивленно). Купить? Я не знаю, что хотите...

СИНИЦЫН. Нет, вы не поняли меня, что в единичном измерении имело эту стоимость, шестьдесят три копейки...

КУПОВ. Наденька, он одержимый, ответьте ему, можете что угодно назвать.

НАДЯ. Но я действительно не знаю... И не понимаю...

СИНИЦЫН. Все очень элементарно. Я хочу составить таблицу и определить номинальную стоимость копейки в СССР. А для этого мне необходимо определить последовательно возрастание ее в разовом выражении.

ЗОТОВА (входя с тарелками). Не обращайтесь внимания. Надя, Алик – кандидат наук, это его хобби, гимнастика для ума.

НАДЯ Кандидат каких наук?

ЗОТОВА. Алик у нас большой специалист по японской

литературе.

СИНИЦЫН. Так вы не знаете?... Жаль... А вы любите искусство, поэзию?

НАДЯ. А это очень важно?

КУПОВ. Любить поэзию?.. Вы обижаете Алика...

НАДЯ. Нет, знать, что можно было купить за шестьдесят три копейки.

ЖУРАВЛЕВ. Счет открыт...

КУПОВ (целуя Наде руку). Я восхищен.

СИНИЦЫН. Нежданно

Подходят ко мне,

Жмут руку мою,

И так же неожиданно

Уходят люди.

КУПОВ. Каждый молится богу на собственный лад.

Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.

Лишь мудрец, постигающий замысел божий,

Адских мук не страшится и раю не рад.

ЖУРАВЛЕВ. Начинается поэтический турнир... До чего же скучные люди, Надюша. Убожество собственных мыслей прикрывают заимствованными у других...

СИНИЦЫН (не обращая внимания).

Словно дождь зашумел

На вершинах леса

Пронеслись обезьяны.

До чего же они

На людей похожи!

ЖУРАВЛЕВ. Видите... Иезуитские манеры. Нет чтобы оскорбить по-человечески, все стараются иносказательно, стихами... А отчего это, Наденька, происходит? От ума, эрудиции? Нет, ошибаетесь. Это все от слабости, от бессилия, от пустоты мыслей и дел.

ЖУРАВЛЕВА (входя). Журавлев, успокойся. Твоя проза Надю не обольстит...

ЖУРАВЛЕВ. Машенька, перед моей прозой не устояла даже ты...

КУПОВ (Журавлеву). Скажи не мудрствуя, что читать тебе некогда, завертелся в делах, это будет вполне правдиво и не стыдно. (Поворачиваясь к Синицыну).

Много мыслей в моей голове, но увы:

Если выскажу их – не сносить головы!

Только эта бумага достойна доверья,

(Указывает на Надю).

О, друзья, недостойны доверия вы!

ЗОТОВА (расставляя на столе). Наденька, не теряйтесь, остановите этот рыцарский турнир... Нравится вам у нас?

НАДЯ. Да.

ЖУРАВЛЕВ. Наденька в том возрасте, когда нравится все и все.

ЖУРАВЛЕВА (Зотовой). Господи, мой милый опять играет в старичка.

ЗОТОВА. Ему это идет... Пойдемте, Наденька, поможете

мне... (Уходят на кухню).

СИНИЦЫН. Возраст не играет никакой роли. Главное – состояние души...

КУПОВ. Душа бессмертна и, значит, для нее не существует понятия времени. Не так ли, мой ученый друг?

ЖУРАВЛЕВ. Интеллектуалы вы мои, только не надо мистики, довольно с меня моей жены...

КУПОВ. Твердо стоящий на земле...

СИНИЦЫН. Люди никогда не поймут друг друга и рая на земле не будет.

ЖУРАВЛЕВ (разворачивая газету). Устами младенца... Нет, я совершенно серьезно... Вот, пожалуйста, еще один очаг опасности... Очаг, очаг, прямо пожарище, а не мир. (Складывает газету). И самое непостижимое, что я не могу-чий смертный, очагов этих не хочу. А судя по СМИ, большая часть человечества их тоже не хочет, а они появляются и все. И плевать им на мое отношение.

КУПОВ. Объективные условия.

ЖУРАВЛЕВ. Чепуха. Субъективные состязания. История всегда замешивается единицами, только всходит массой. Не надо забывать о многозначительности оскала политики...

СИНИЦЫН.

Постичь себя, узнаю свою душу

И ничего более.

Лишь потому, что цветы

Облетают,

Милей они вдвое...

В суетном мире

Что может быть долгим!

КУПОВ (Журавлеву). Ты преувеличиваешь роль личности в истории и недооцениваешь экономические причины. На земле всегда чего-то не хватает, и тем, у кого почти все есть, и тем, кому нечего есть. И все хотят только хорошо жить. А чтобы хорошо жить – надо отнять у другого. В мире, в обществе – везде этот закон – главный, отнять.

ЖУРАВЛЕВ. Ты отнимаешь?

КУПОВ. Если хочешь, да... Не в буквальном смысле, конечно. Я не способен выйти на дорогу и чистить карманы, но все-таки и ты, и я, и они, мы все у кого-то что-то берем. У нас тоже, так что пусть тебя не мучают угрызения совести. К тому же, ты ведь и отдаешь всем, в общественном продукте...

ЖУРАВЛЕВ. А я не хочу этого знать, я не хочу ни отбирать, ни отдавать. Лишь одного, чтобы мои сыновья будут жить. И мои внуки, и правнуки... Ты этого не хочешь?

КУПОВ. У меня их пока нет... И от твоего хочу – не хочу, в мире ничего не изменится. Он сотрет тебя и пойдет дальше. Растрепанная импровизация истории – жестокая особа, и не пытайся с ней спорить.

ЖУРАВЛЕВ. А не кажется тебе порой, что твоя отстраненность – это не сила, а слабость... Лучше заводи скорее детей, потом мои слова вспомнишь...

Входят женщины.

ЖУРАВЛЕВА. Вы не скучаете? Похоже, что вы прекрасно обходитесь без нас.

КУПОВ (вяло). Иллюзия... Мы задыхаемся от скуки...

СИНИЦЫН (во время спора он стоял в уютном уголке за фикусом).

Сумерками дня

Летнего, который

Не хочет так темнеть,

С тоской гляжу я, и невольно

Грустно мне...

ЗОТОВА. Алик, это Такубоку?

СИНИЦЫН. Нет, это я...

ЗОТОВА. Ваши стихи?

СИНИЦЫН. Мое настроение.

КУПОВ. Я знаю, почему ему грустно...

ЖУРАВЛЕВ. Ясно, как Божий день. Это намек на то, что нам пора к столу.

ЗОТОВА. Конечно. Все к столу, будем пить чай.

ЖУРАВЛЕВ. И кое-что еще, посущественнее. (Разливает коньяк). По глотку живительной влаги и мир станет прекрасным.

ЖУРАВЛЕВА. Теперь он играет в алкоголика...

ЖУРАВЛЕВ. Машенька, жизнь – это игра. Это ведь одна из твоих заповедей.

КУПОВ. Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина,
Горек вкус у налитого в чарку рубина -
Эта горечь всей сладости мира равна.

ЗОТОВА. Дайте немножко отдохнуть Надюше, не забывайте, что женщина любит не только умные речи.

ЖУРАВЛЕВА. Ах, Верочка, разве это мужчины...

КУПОВ. Я обижен. (Выпивает коньяк). За всю сильную половину человечества. Я чертовски обижен и больше ни одной прекрасной строки, только серая проза. Нет, я всегда говорил, что женщине не все дано понять. Не нужно обольщаться, следует признать, что женщина – это прежде всего предмет комфорта для мужчины. И не надо ее заставлять подниматься выше этого...

ЗОТОВА. Вот как?

ЖУРАВЛЕВА. Compliment, достойный моего мужа... Наденька, не стесняйтесь, говорите, спорьте с ними, это они только кажутся на первый взгляд умными.

НАДЯ. Я с удовольствием слушаю.

ЖУРАВЛЕВ. Нет, это не совсем верно. Предметом комфорта сможет стать далеко не каждая женщина. Женщина – это прежде всего источник наслаждения для мужчины.

КУПОВ. В здоровом теле и дух здоров...

НАДЯ. А мужчина для женщины?

ЖУРАВЛЕВА (опережая мужа). Источник неприятностей.

КУПОВ (Журавлеву). Тебя не настораживает этот симптом у твоей жены?

ЖУРАВЛЕВ. Она неискренна... Я вам отвечу, Наденька. Мужчина для женщины – это бог, свет в окошке, суть ее жизни, наконец, ее властелин и ее забота. Иногда даже кормилец... В определенные времена.

ЖУРАВЛЕВА. Забота – несомненно, все остальное, Надюша, сказано для зрителей.

СИНИЦЫН. Мы все вышли из женского чрева и оно же манит нас. Природа целесообразна, избрав способом продолжения жизни слияние двух полов, а не отделение одного от другого. Она замкнула круг: мы появляемся из чрева, а уходим в землю. Природа и женщина – не единство ли?

Пауза.

КУПОВ. Алик, мы поражены... Я знаю, что можно было купить за шестьдесят три копейки... Шестьдесят три коробка спичек.

СИНИЦЫН. Оконное стекло

Задымлено

Дождем и пылью...

Я тоже стал таким,

Какая грусть!

КУПОВ (нарочито недовольно). С тобой невозможно разговаривать. Каково будет тем, кто доживет до того часа, ко-

гда ты станешь академиком...

ЖУРАВЛЕВА (Наде). Он тоже играет. (Кивает на Синицына). В юродивого. Здесь все, Надечка, играют. Вы еще не почувствовали приступ тоски?

НАДЯ. Нет... Чьи это стихи?

ЖУРАВЛЕВА. Не знаю... Меня это никогда не интересовало. Вы закончили химический факультет?

НАДЯ. Да.

ЖУРАВЛЕВ. Надя, вы так и не рассказали нам, в чем заключается ваша работа?

НАДЯ. Это гораздо скучнее, чем вы предполагаете. Право, мне не хотелось бы говорить о ней.

КУПОВ. Вот как? Современные молодые женщины обожают рассказывать о своей работе. Это признак эмансипации.

НАДЯ. Значит я не отношусь к современным.

КУПОВ. Смелое заявление.

ЗОТОВА. Надя очень способный химик, а быть несовершенной опять становится модно.

КУПОВ. Мы это поняли... (Вставая, Наде). Уделите старому, не модному холостяку пару минут. Это будет в стиле ретро... К тому же я когда-то мечтал стать химиком...

Купов и Надя отходят к фикусу

ЖУРАВЛЕВА. Давайте послушаем музыку. Верочка, по-

ставь, пожалуйста, что-нибудь, тоже в стиле ретро...

Журавлева пересаживается на диван, рядом опускается Журавлев. Зотова включает магнитофон.

КУПОВ. Надюша, вам действительно нравится здесь?

НАДЯ. А почему бы нет?

КУПОВ. Здесь так приторно, надумано...

НАДЯ. Но и вы ведь здесь.

КУПОВ. Во-первых, я уже привык, адаптировался и даже пристрастился к этой разлагающей атмосфере. Во-вторых, я старый холостяк, ни на что не способен. Мне ничего не остается, как заниматься словесным блудом... А вы человек совершенно иного круга, иного настроения... Давайте уйдем отсюда?

НАДЯ (после паузы). Вдвоем?.. Нет, не хочу. Мне нравится компания.

СИНИЦЫН (незаметно подошедший к ним). Принцесса была груба, как все нынешние принцессы. В детстве тайком от родителей она покуривала...

КУПОВ. Алик, это слишком... (Уходит).

НАДЯ. Алик, снимите маску.

СИНИЦЫН. С удовольствием. Помогите?

НАДЯ. Я хочу дать вам совет, по поводу хобби... Обратитесь в комитет цен...

СИНИЦЫН. Тогда исчезнет весь смысл моего увлечения

и, к тому же, (Тихо). нужно будет искать новый клоунский колпак...

НАДЯ. Неужели он вам так необходим?

СИНИЦЫН. Позвольте уклониться от ответа... Вы интересуетесь философией?

НАДЯ. Увы, в этой области я совершенный дилетант.

СИНИЦЫН. Это прекрасно. Значит я могу говорить все, что взбредет в голову...

НАДЯ. Попробуйте.

СИНИЦЫН. Вы знаете, Восток за много столетий до просвещенной Европы сделал великое открытие: жизнь — это мгновение и не надо строить планов, не нужно ждать чего-то впереди. Это глупо, надо просто жить каждое мгновение. Не будущим, не прошлым — настоящим мигом. Я падаю ниц перед древними мудрецами, ниц — за то, что позволили прозреть, за то, что научили чувствовать жизнь. И я падаю ниц пред вами, ниц — за то, что вы есть на свете...

НАДЯ. Вот как? Это объяснение?

СИНИЦЫН. Вы умны. Умны и приятны — это редкость.

НАДЯ. А вы торопливы.

СИНИЦЫН. Дзен-буддисты, которые были намного мудрее нас с вами, подарили мне закон спонтанного бытия. Говорить то, что думаю; чувствовать, не пытаться предвидеть и не контролировать сердце мозгом... Сейчас я чувствую, что вы принесете мне счастье...

НАДЯ. Надолго?

СИНИЦЫН. Разве это важно?

Если б любила меня ты,
Легли б мы с тобой в шалаше,
Повитом плющом.

И подстилкой нам
Рукава наши были б...

Прекрасный старинный обычай: в часы любовного ложа,
сняв одежды, подстилать их под себя...

НАДЯ. Простите, Алик, я еще не прониклась дзен-буддизмом. (Уходит).

СИНИЦЫН. Я подожду...

Трезвонит звонок.

ЗОТОВА. Кто бы это мог быть? (Идет открывать).

КУПОВ (Наде, мимоходом). Поразил?

НАДЯ. А вы как думаете?

КУПОВ. Эх, Надечка. Не все то золото, что блестит...

НАДЯ. И все-таки, Алик неотразим...

КУПОВ. Бедняга Купов, ему не везет ни в чем, даже в любви...

ЖУРАВЛЕВА. Новое действующее лицо...

ЖУРАВЛЕВ. Машенька, а не пойти ли нам баиньки?

ЖУРАВЛЕВА. А если это женщина?

ЖУРАВЛЕВ. Мне достаточно тебя... (Обнимает). Разве можно кого сравнить с тобой...

Входит Зотова, следом Буров. Он только что с поля, бородат, в штормовке, болотных сапогах и с рюкзаком.

ЗОТОВА. Сергей Петрович, Боже мой, вы все молодеете... Я теперь понимаю, почему вы ходите в тайгу...

БУРОВ. Исключительно за этим... Мне бы ключ, Вера Васильевна. Ни о чем не мечтаю, только о ванне – полдня отмокать буду.

ЗОТОВА. Одну минуточку, Сергей Петрович... А впрочем, нет, посидите с нами, поужинайте. У вас ведь теперь будет большой отпуск... (Замечая нерешительность Бурова). Товарищи, познакомьтесь, это мой сосед – Сергей Петрович Буров, геолог, из последних романтиков... (Бурову). Проходите, Сергей Петрович, садитесь, а то по-соседски обижусь... (Буров машет рукой и садится). Тем более, у вас там холостяцкая пустота...

БУРОВ. Честно признаться, я действительно голоден. И к тому же, такой стол... И ни баночки говядины тушеной...

Зотова подает ему тарелку и он начинает накладывать закуски.

ЗОТОВА (опускаясь напротив). Вы похудели, стали похожи на Дон Кихота...

БУРОВ. Скорее, на поджарого гончего пса.

ЗОТОВА. Кушайте, кушайте... (Наливает коньяку).

БУРОВ. Угу... (Смотрит на остальных). А что же это я один?

ЖУРАВЛЕВА. Ничего, не стесняйтесь, мы уже... (Поднимается). Верочка, мы прощаемся.

ЗОТОВА. Уже?

ЖУРАВЛЕВА. Пора. Моему муженьку завтра рано вставать.

ЖУРАВЛЕВ (хлопая Бурова по плечу). Насыщайся, Сергей Петрович. Романтика – дело хорошее, но романтикой сыт не будешь...

БУРОВ. Спасибо.

Журавлевы уходят, Зотова их провожает.

БУРОВ (все еще держа рюмку, Купову). А вы?

КУПОВ. Я, пожалуй, откланяюсь. Дела... Печень...

БУРОВ (понимающе). А-а... Да.

Купов уходит.

БУРОВ. Как хотите. (Собирается выпить).

НАДЯ. А мне не предлагаете?

СИНИЦЫН (появляясь из-за фикуса). И мне тоже.

БУРОВ. Ах, извините, растерялся от многолюдья... Отвык... С удовольствием. (Наливает рюмки).

Рассаживаются Синицын и Надя, появляется Зотова.

ЗОТОВА. Сергей Петрович, вы чем-то напугали моих гостей...

НАДЯ. Борода, сапожищи...

БУРОВ. А чего же они такие пугливые. На вид вроде крепкие, здоровые.

ЗОТОВА. Я пошутила, они действительно уже собирались уходить. Жаль, что вы не появились раньше, когда у нас в разгаре была беседа...

БУРОВ. Вера Васильевна, мне кажется иногда, что вы научились останавливать время... Я приезжаю, уезжаю, а у вас по-прежнему, незыблемо.

ЗОТОВА. Это плохо?

БУРОВ. Моя профессия учит не делать поспешных выводов...

Пауза.

ЗОТОВА. Алик, вы не спешите?.. Проводите Наденьку...

НАДЯ. Нет, что вы, меня не нужно провожать, я сама доберусь... (Поднимает рюмку). За знакомство с романтизмом (чокается с Буровым) и с дзен-буддизмом (с Синицыным, Зотовой). Спасибо за вечер, мне было очень интересно.

Надя встает, поднимается и Синицын.

БУРОВ. Всего хорошего... Хотя, постойте. (Идет к рюкзаку). Тут у меня кое-какие геологические сувенирчики... (Достает несколько камней). Это вам. (Подает Синицыну). Это вам от меня, простите, не запомнил вашего имени. (Подает Наде).

НАДЯ. А вы и не могли запомнить, нас не знакомили. Представили только вас, как соседа... Надежда.

БУРОВ. Очень приятно... А это хозяйке (Подает камень Зотовой).

ЗОТОВА. Какая прелесть...

НАДЯ. Халькопирит, пирит и... что же это? (Разглядывает камень).

БУРОВ. Вы разбираетесь в камнях?

НАДЯ. Увлекалась... Вы ищете медь?

БУРОВ (оживленно). Руды... Полиметаллы... Я поисковик... Слушайте, это ведь замечательно, нет, я вас так не отпущу. Черт с ней, с ванной... Вам действительно нравятся камни?

НАДЯ. Когда-то я их собирала. У меня даже есть маленькая коллекция...

БУРОВ. Вера Васильевна, дайте-ка мне ключ... (Наде). Я сейчас вам покажу свою коллекцию.

ЗОТОВА (недовольно, подавая ключ). Пожалуйста... Может вы еще покушайте, Сергей Петрович? Коллекцию мож-

но показать в другой раз, Надя зайдет ко мне...

БУРОВ. Спасибо... нет, на другой раз откладывать не будем, у меня командировки. Потом, нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. (Наде). Идемте, Надежда...

Выходят. Синицын и Зотова молча смотрят вслед.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Картина первая

Прошел год.

Квартира Бурова. Одна комната, в которой два шкафа. Один занимают книги, второй – камни. Диван-кровать, горка чемоданов, шифоньер. Щелкает ключ и в комнату входит Надя. Раздевается, достает из шифоньера халат.

НАДЯ. Сережа! (Тишина). Сережа! (Идет на кухню. Возвращается с запиской в руке, вздыхая, садится на диван). Опять уехал... Совещания, командировки, поле... (Раздраженно отбрасывает записку и халат).

Звонок в дверь.

НАДЯ (радостно). Сережа!

Входит Зотова.

ЗОТОВА. Надюша, здравствуй... Одна?

НАДЯ. Улетел в Новосибирск на какое-то совещание...

ЗОТОВА. А я за вами. Сидели сейчас, вспомнили, что ровно год назад вы познакомились. Купов говорит, давайте устроим молодоженам праздник... У нас там новый знакомый, художник, обаятельный, умница, абстракционист... У него такие работы... Идем к нам, Надюша.

НАДЯ. Одной неудобно.

ЗОТОВА. Глупости. Живем рядом, а совсем не заходишь.

НАДЯ. Ты же знаешь, Сергей против интеллектуальных извращений.

ЗОТОВА. Он совсем одичал в своей тайге... Надя, возьми за него. Мы, женщины, если захотим, можем с мужчинами делать все, что угодно... Надо же, интеллектуальные извращения... Что ж, только работой жить, а искусство, а общение?... Нет, твой Буров неправ... А ведь он мне нравился... Да-да, Надюша, представь себе, когда-то он мне нравился, этакий неотесанный, сильный, грубый, brutальный, ни на кого из знакомых непохожий... Он, конечно, интересный мужчина, но мы так далеки друг от друг. (Подходит к шкафу с камнями). Это романтично, конечно, но мне кажется, совсем не вписывается в интерьер... Знаешь, Купов сделал мне предложение. Мы решили пока не спешить, проверить характеры... Ну, приходи, Наденька, мы тебя ждем.

НАДЯ. Хорошо, я сейчас.

Зотова уходит.

НАДЯ (одна, перед зеркалом). Вот возьму и изменю... (Садится). Боже мой, два раза в кино вместе сходили, один раз цветы подарил... (Подходит к шкафу с камнями). Все эти камни, камни... А я хочу вместе гулять по улицам, ездить за город, ходить в гости к друзьям. Я хочу доченьку... (Возвращается к зеркалу). А годы идут, я становлюсь совсем старой. Буров, а ты совсем меня не хочешь понять... Нет, Буров, я так больше не могу.

Одевается и выходит.

Картина вторая

Ярко освещенный уголок аэропорта. На одной из скамеек сидит Буров. У ног неизменный рюкзак. Голос из громкогоговорителя: «Объявляется посадка на рейс 3034, вылетающий в Новосибирск. Просим вас пройти к выходу номер пять на посадку». Буров поднимется, скидывает рюкзак. Появляется Надя.

БУРОВ. Надюша?! Что случилось!

НАДЯ. Случилось. Ты улетаешь?

БУРОВ. Да.

НАДЯ. Надолго?

БУРОВ. Недельки на две.

НАДЯ. А потом?

БУРОВ. Потом мне нужно будет слетать в Иркутск, в институт.

НАДЯ. А потом?..

БУРОВ. Будет видно... Что случилось, Наденька?

НАДЯ. Я не могу больше так, слышишь, Буров, не могу... (Бьет ему в грудь кулаками). Я не могу, понимаешь... Словно зеленый остров среди пустыни... Иссякнет источник и он тоже превратится в пустыню...

БУРОВ. Успокойся... И если можно, скажи проще...

НАДЯ. Я хочу, чтобы ты никуда не уезжал. Хотя бы сегодня. Ты знаешь, какой сегодня день?

БУРОВ. Конечно, вторник...

НАДЯ. Сегодня год нашей семейной жизни, Буров, ровно год. Вспомни.

БУРОВ (после паузы). Действительно. Я сейчас...

НАДЯ. Не надо цветов, не надо, Сереженька... Мне нужен сегодня ты. И завтра, и послезавтра...

Голос из громкоговорителя: «У выхода номер пять заканчивается посадка на рейс 3034, вылетающий в Новосибирск».

БУРОВ. Надюша, завтра в девять начало совещания... Мне нужно обязательно там быть...

НАДЯ. Ты полетишь?

БУРОВ. Да.

НАДЯ (равнодушно). Ну что ж, лети... Источник иссякает...

БУРОВ. Оставь этот Эзопов язык... Через две недели я буду дома... Нет, даже раньше, я постараюсь раньше. Надюха, слышишь...

НАДЯ (тихо). Не успеешь, Буров, не успеешь...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина первая

Прошел еще год.

Дачный поселок. Небольшой домик с распахнутыми дверью и окнами. Душный вечер. Полумрак. Стол, на котором букетик и ваза с яблоками. За столом Марина и Надя.

МАРИНА. Ну и духотища... Две недели парит и парит... Юрка замучился воду таскать, с утра до ночи поливаем... Но зато загорела, скажи... Лучше, чем на море. (Откидывает плечико сарафана).

НАДЯ. Ты прекрасно выглядишь.

МАРИНА. Стараюсь. Хотя знаешь, как непросто замужней бабе красивой быть. Юрка, Лешка, не доглядишь за ними, что-нибудь обязательно натворят. Приготовить, постирать... Юрка, правда, помогает... А, что там и говорить, красивые женщины только в кино бывают...

НАДЯ. Но ты действительно очень хорошо выглядишь.

МАРИНА. Если б мои мужики соки не тянули, я б вооб-

ще была... А так все-таки рожала, вон бедра, не то что у тебя. И талия... (Машет рукой). По улице иду, один-два оглянется и все, а раньше сколько их было... Так и живем... Ну, а ты-то как? Одна? (Надя кивает). И совсем-совсем никого? Богатенького папика нашла какого б. Или есть?

НАДЯ. Нет, Мариша, одна.

МАРИНА. Да-а... А этот, твой, Сергей?..

НАДЯ. В поле. Он каждое лето в поле.

МАРИНА. Ты его любишь?

НАДЯ. Наверное.

МАРИНА. Ну и чего же, жила бы с ним, деньги зарабатывает, квартира есть, что тебе надо... Не пойму я, Надь. Если для постели мужик нужен, так этого добра хватает, завела бы любовника, пока он разъезжает.

НАДЯ. Не хочу.

МАРИНА (кричит). Юрка!.. Ты где?... (Тихо). А у меня был один... Иисусик... (Смеется). Каждый вечер подарки дарил... Старенький уже, но еще в силе, полюбит и отдышаться не может, смех... И все повторял, ах, Мариночка, ты моя жизнь, ты моя радость... Инфаркт и все... Так, кое-что осталось из подарков... Я то одно, то другое достану – Юрке говорю, на работе подарили или подкопила, купила...

НАДЯ. А сын-то где?

МАРИНА. Лешка у стариков, у Юркиных. Пять лет уже, взрослый... И так два года людей не видела, сидела, а годы-то идут. Юрка против, а я говорю, пусть там живет, хо-

чешь, чтобы я старухой скорее стала... Да, Надюха, я твоего первого Сергея тут видела, о тебе спрашивал...

НАДЯ. Как он?

МАРИНА. Защитился. В институте остался, в политике что-то не получилось, заведует кафедрой. Солидный стал, раздался, двое детей нарожала ему жена, а сама-то худенькая, шуплая... Не сравнить с тобой. Ни рожи, ни кожи... Зря ты тогда выдумала любовь, надо было клещами в него вцепиться...

НАДЯ. Нет, не хочу я так, без любви...

МАРИНА. Куда тебя занесло?.. Брось ты, это все для девочек, им не стыдно дискуссию разводить, какая любовь... Что я без Юрки не проживу? Запросто. Что он есть, что нет, мне все равно, в командировку уедет, так даже лучше. Отосплусь одна, куда хочу, туда схожу, с кем хочу – погуляю... И забот меньше. Только что для всяких дел мужика нужно. Вот дачу построил, машину скоро купим, водить я буду, Юрка даже на курсы не ходит, мы договорились – ему дача, мне – машина... (Кричит). Юрка! (Появляется Юра). Кричу, кричу... Ты нас утомил.

ЮРА. Грядки прополол, заросли.

МАРИНА. Сделай что-нибудь на ужин. Вино-то у нас есть?

ЮРА. Бутылочка была.

МАРИНА. В холодильнике что-ли? Соседка заходила, выпили мы ее. Сбегай к Крынкиным, у них должно быть, займи.

НАДЯ. Да зачем же Юре бегать, чаю попьем...

МАРИНА (Юре). Иди, иди... Не слушай бабьих разговоров. (Юра уходит). Теленок... Как он у меня, а?

НАДЯ. А он не обижается?

МАРИНА. Пусть попробует. Я ему сразу: вот Бог — вот порог... Что с ним цацкаться. Уйдет, другого найду. Квартиру себе оставлю, машину тоже, дачу ему отдам, пусть живет.

НАДЯ. Я бы не смогла так.

МАРИНА. Ерунда... Поэтому и одна. Скоро тридцать нам, Надюша, кончается бабья радость, а ты все чего-то ждешь... (Обнимает за плечи). Подруженька ты моя несчастенькая... Так скажи, кого-нибудь ты любила?

НАДЯ. Любила.

МАРИНА. Кого?

НАДЯ. Сережу.

МАРИНА. Первого или второго?

НАДЯ. Бурова,

МАРИНА. Ну и как это, что ты чувствовала?

НАДЯ. Что чувствовала?.. А вот если бы с ним что-нибудь случилось, я отравилась бы...

МАРИНА (отстраняясь). Да-а... Не дай Бог... Моего Юрку тут хулиганы избили, вздумал за кого-то там заступиться. Сколько раз ему говорила: не лезь, куда не надо. Без сознания лежал, я поначалу испугалась, наревелась, а потом думаю: умрет, так умрет. Деньги есть, Лешку выращу, мужиков хватает... И ничего...

НАДЯ. И тебе не бывает страшно от таких мыслей?

МАРИНА. Брось ты. Жизнь тебя учит-учит... Я вот... Ты Серегу-то первого уже не любишь?

НАДЯ. Нет. Я, наверное, и не любила его.

МАРИНА. Тогда можно сказать. Он тут мне цветочки подарил, потом в ресторане посидели, целовались в подъезде, как в молодости... Названивает, приглашает на недельку на море... Ты ничего?

НАДЯ. Мне все равно.

МАРИНА (мечтательно). Юрку оставляю здесь, пусть за свой счет возьмет, а то сгорит все, да махну с ним. Море, солнце, фрукты... Там уже есть, наверное, фрукты...

НАДЯ. А у вас тут что растет?

МАРИНА. Да все, что хочешь: помидоры, огурцы, капусту садим, лук... Юрка занимается, я даже не помню, что тут... Духота... Тебе нравится?

НАДЯ. Очень. Хвоей пахнет. Тихо...

МАРИНА. Ничего... Поговорила, хоть легче стало, а то не с кем пооткровенничать, одни сплетницы в отделе.

НАДЯ. Сын не болеет?

МАРИНА. Лешка?.. Да нет вроде. Юрка все с ним возится... Погостишь у меня?

НАДЯ. Нет, завтра уеду.

МАРИНА. Так у тебя же отпуск?

НАДЯ. У меня путевка, это я на денек заглянула.

МАРИНА. Ну и молодец, что заехала... Ты там, отдыхай,

да не теряйся, найди себе мужика... Там богатеньких много бывает.

НАДЯ. Где же Юра?

МАРИНА. Придет, никуда не денется. Вино ищет, пока не найдет – не вернется, знает мой характер.

НАДЯ. Душно что-то... (Поднимается). Пойду прогуляюсь пока.

МАРИНА. Ну, иди... Эх, ну и талия у тебя, сразу видно – не рожала. Мне бы такую...

Надя уходит.

МАРИНА (одна). Что бабе надо? Высохла в своей науке, так и жизни не узнает. (Вздыхает. Потягивается, лениво надкусывает яблоко).

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Картина первая

Прошло еще три года.

Квартира Зотовой. Здесь все так же, как и прежде: фикус, кактусы... В рубашке, по-хозяйски, расположился на диване Купов. Рядом листает журнал мод Зотова

КУПОВ. Опять припрутся эти интеллектуалы...

ЗОТОВА. У тебя портится характер.

КУПОВ. На ладан дышат, а все еще мальчики.

ЗОТОВА (укоризненно). Вячеслав...

КУПОВ. Если не нравится, могу уйти.

ЗОТОВА. Завел любовницу?

КУПОВ. Я никогда не был прелюбодеем.

ЗОТОВА. Ну да, женщина – это предмет комфорта, необходимого мужчине.

КУПОВ. Хотя бы сегодня... (Подходит к накрытому столу, морщась выпивает коньяку). Алкоголиком станешь с этими гостями... Салон мадам Зотовой...

ЗОТОВА. Куповой...

КУПОВ. Ах, да... Хоть бы родила мне кого...

ЗОТОВА. Зачем? Пеленки, крик, запах... Ты же не хочешь этого?

КУПОВ. Не хочу. Душу родственную хочу.

ЗОТОВА. Минуя пеленки... А я возьму и рожу.

КУПОВ. Рожай. У меня есть, куда уйти.

ЗОТОВА (поднимаясь). Боже мой, хоть бы уходил скорее...

Звонок.

КУПОВ. Открой. Публика салона мадам Зотовой начинает прибывать...

Входит Журавлев.

ЖУРАВЛЕВ. Добрый вечер. (Ставит на стол бутылку вод-

ки. Купову). Ты все интеллигентствуешь... Давай, по водочке. (Открывает бутылку, наливает и, не ожидая Купова, выпивает). Семейная идиллия. (Поднимает журнал). Подбираете костюм на серебряную свадьбу?

КУПОВ. Опять напьешься?

ЖУРАВЛЕВ. А ты будешь выпроваживать?.. Между прочим, у тебя есть талант вышибалы.

КУПОВ. Пить можно и в другом месте.

ЖУРАВЛЕВ. Там нет знакомых физиономий.

Звонок.

ЗОТОВА (появляясь). Вячеслав, открой, у меня руки...

КУПОВ (недовольно). Думаешь, они оценят твои салаты... (Идет открывать).

Входит Синицын.

ЖУРАВЛЕВ. Кандидату – салам. (Наливает в рюмки). Дернешь?

СИНИЦЫН.

Пью не ради запретной любви к питию,

И не ради веселья душевного пью,

Пью вино потому, что хочу позабыться,

Мир забыть и несчастную долю свою.

ЖУРАВЛЕВ (в сторону). Он бессмертен.

СИНИЦЫН. Кто, Омар Хайям?

ЖУРАВЛЕВ. Естественно, не ты.

КУПОВ (отбирая бутылку у Журавлева, Синицыну). Он сегодня не в духе.

СИНИЦЫН. С рогами...

ЖУРАВЛЕВ (угрожающе). Что, в морду захотел?

ЗОТОВА (входя). Прекратите... Ты, Алик, тоже. Разве так шутят?

СИНИЦЫН. Мир. (Протягивает руку. Журавлев неохотно пожимает).

Добровольно сюда не явился бы я.

И отсюда уйти не стремился бы я.

Я бы в жизни, будь воля моя, не стремился

Никуда. Никогда. Не родился бы я.

ЖУРАВЛЕВ. Надоело. Не нервируй.

СИНИЦЫН. О'кей. Но все же хочу поделиться: охотники на слонов в Восточной Африке верят, что если жены изменяют им в их отсутствие, слон нападет на них и они погибнут. Если охотника племени вагого...

КУПОВ. Какого племени?

ЖУРАВЛЕВ. Не слышишь, нагого...

СИНИЦЫН. ...племени вагого постигает неудача или на него нападает лев, он приписывает это дурному поведению жены. Индеец племени мохос убежден, что если во время его отсутствия жена окажется ему неверна, то его на охоте укусит змея или съест ягуар... Алеут, если охота бывает неудач-

ной, уверен, что жена ему изменила...

КУПОВ. А мохос, это откуда?

СИНИЦЫН. Племя в Боливии.

ЖУРАВЛЕВ. Нет, нам ближе алеуты... Ты что, переспециализировался?.. Давно пора, тут хоть жизнью попахивает, не то что в твоих виршах...

СИНИЦЫН. Дикари... Только дикарю была присуща такая мифическая зависимость от женщины.

КУПОВ. А я все ломал голову, отчего это все религии так жестоки с женщиной...

СИНИЦЫН. От чрезмерного возвеличивания до чрезмерного принижения...

ЖУРАВЛЕВ. Ты вот что, лучше занимайся своей поэзией...

СИНИЦЫН. Благодарю.

ЗОТОВА (входя). Опять ругаетесь?.. Ну-ка, мальчики, помолчите.

КУПОВ. Все в сборе, начнем пьянку.

СИНИЦЫН. По поводу?

КУПОВ. У моей половины доклад.

ЗОТОВА. Славик, что с тобой? (Улыбаясь). Сегодня исполнилось два года нашей счастливой супружеской жизни.

КУПОВ. Дружно поднимем локти.

СИНИЦЫН. За нее... И за Верочку. (Целует Зотовой руку).

ЖУРАВЛЕВ (мрачно). За любовь.

Звонок.

КУПОВ. Нежданный гость...

ЗОТОВА (кричит). Иду! (Уходит и возвращается с Надей.

Надя протягивает цветы, целует Зотову в щеку.)

НАДЯ. Вера, я желаю всего-всего...

ЗОТОВА (растроганно). Спасибо, Надюша. Спасибо.
(Ставит цветы в вазу).

ЖУРАВЛЕВ. Луч света...

СИНИЦЫН. В том поле, где так много

Лягушек, каждый вечер

Плачет,

Вода все прибывает,

Хоть и нет дождя...

ЖУРАВЛЕВ (морщась). Помолчи, я же просил.

КУПОВ. Наденька, вы нас совсем забыли... Поцелуйте же
и меня, я ведь тоже причастен к этому торжеству, в какой-то
мере...

Надя целует его в щеку.

СИНИЦЫН. А ведь претендовать на поцелуй Надежды
имею право только я...

ЖУРАВЛЕВ (в сторону). Глупцы.

КУПОВ (Журавлеву, вполголоса). Мне это надоело.

ЖУРАВЛЕВ. Хорошо, я выпью и уйду.

КУПОВ. Держи себя в руках... Верочка!

ЗОТОВА. Иду, иду. (Приносит еще один прибор). Так, мы пьем за любовь, Надюша.

НАДЯ. С удовольствием.

Все выпивают.

ЖУРАВЛЕВ. Как живете, Надя? Давно мы вас не видели.

НАДЯ (с улыбкой). Живу.

ЗОТОВА. О, вы не знаете. У нашей Надюши скоро защита диссертации.

КУПОВ. Еще один знакомый кандидат...

ЖУРАВЛЕВ (Наде). Мне надо уходить, а так хотелось поговорить с вами...

СИНИЦЫН (Наде). Бойтесь его...

ЖУРАВЛЕВ. Перестань. Честное слово, мне надоело твое шутовство.

ЗОТОВА. Нет, сначала я с ней поговорю. Мы так давно не виделись... Идемте, Надюша.

Отходят.

ЗОТОВА. Вы все еще его любите?

НАДЯ. Не знаю. Мы столько уже не видели друг друга. Он дома?

ЗОТОВА. Уехал. Вчера. У меня есть ключ.

НАДЯ. Все так же один?

ЗОТОВА. Мне кажется, он очень тоскует о тебе... И ключ вот оставил...

НАДЯ. Наверное, уже поздно... Да и не могу я так. Мне хотелось бы увидеть его...

КУПОВ (кричит). Ну довольно секретничать!

ЗОТОВА. Идем, идем. (Наде). И все-таки мне кажется, что он ждет тебя, Наденька, ждет...

Возвращаются к столу.

СИНИЦЫН. Надя, а какая у вас тема?

НАДЯ. О, это нечто неудобоваримое, название вам ничего не скажет.

СИНИЦЫН. И все-таки?

ЖУРАВЛЕВ (выпивая водки). Не будь так назойлив.

КУПОВ. Жорж, остановись.

ЖУРАВЛЕВ. Ты же знаешь, от твоих мензурок я не опьянею.

КУПОВ (Наде). Вместо него извинюсь я. У Жоржа неприятности.

НАДЯ. Я знаю.

ЖУРАВЛЕВ. Все все знают. Все обо всех знают, какая-то массовая телепатия, психоз, театр, в котором всем розданы приличные роли, только я ползаю по помосткам и цепляю

всех за ноги... И никак не пройти, обязательно надо или по-жалеть, или плюнуть в этого ползающего... Как мы любим ворошить чужое дерьмо, как мы возбуждаемся от запаха чужих подмышек...

КУПОВ. Это уж слишком.

СИНИЦЫН. Он пьян, оставьте.

КУПОВ (отбирая у Журавлева бутылку). Довольно.

ЖУРАВЛЕВ. На посошок... Есть хороший русский обчай... Или ты забыл, кто ты, какая кровь в тебе течет... Да есть ли она в тебе, новом виде хомо сапиенс, холоднокровных...

КУПОВ (зло). Хватит, не забывайся.

СИНИЦЫН (решительно). Да, он не в себе. Это слишком.

Журавлев смотрит на них и вдруг начинает хохотать. Купов и Синицын медленно идут к нему, Зотова удивленно глядит, подняв руки к груди. Вот-вот они схватят Журавлева и тут между ними встает Надя.

НАДЯ. Георгий?.. Вы идете домой? Проводите меня, нам ведь по пути...

ЖУРАВЛЕВ (пьяно). Вас?.. Вас... и только вас, и больше никого, ни за что. (Покачиваясь выходит).

НАДЯ. До свидания.

ЗОТОВА. Наденька, вы, пожалуйста, доведите его, он совсем пьян.

НАДЯ. Хорошо...

Выходит.

Синицын и Купов, не глядя друг на друга садятся за стол. Чокаются, молча выпивают.

Зотова, сидя на диване, наблюдает за ними.

Картина вторая

Осенняя улица. Дождь. Журавлев и Надя.

ЖУРАВЛЕВ (устало). Дождь... Он все смое... Если забыть о возможной радиации – прекрасный дождь. В детстве я не думал об этом, а теперь думаю. Гуляю по траве – думаю о колючках и ядовитых растениях, под дождем – о радиоактивности, от солнца прячусь в тень, думаю о солнечном ударе, протуберанцах, еще черт знает о чем... Целуя женщину – думаю об измене... Страшно жить, Надя.

НАДЯ. Она вернется.

ЖУРАВЛЕВ. Она? Эта доморощенная актриса?.. Никогда. Она знает, что я убью ее, я задушу ее, вот так задушу. (Поднимает руки, Надя опускает их своими ладонями).

НАДЯ. Георгий, не надо.

ЖУРАВЛЕВ. Вы удивительная женщина. Я жалею, что не встретил вас раньше. И боюсь, что вы станете такой, как она... Когда-нибудь вы все равно станете, все похожи, хотя и делают вид, и стараются не походить друг на друга.

НАДЯ. Мне казалось, что вы ничего не боитесь, что вы

стоите на земле крепче их всех...

ЖУРАВЛЕВ. Этих? (Оборачивается). Этих, крепче, они – налет, они – плесень, функционеры, бездари, разыгрывающие бездарную пьесу. Как они сегодня на меня... Такой я им уже не подхожу... Нет, такой я их раздражаю. Они могли бы меня убить... Нет, не могли. Но они бы меня избили, до крови... Вы видели их глаза, а? Глаза самцов, которым помешали получить наслаждение... (Вяло). Но я без них не смог. Я прирос к ним, мы – сиамские близнецы... Это все я говорю и о себе...

НАДЯ. Георгий, не пейте больше, ладно?

ЖУРАВЛЕВ. Она не показывает мне моих пацанов. Ну хорошо, если ты такая тварь, уходи к своему очередному любовнику, но почему я не могу видеть своих, своих детей!

НАДЯ. Все изменится... Хотите, я поговорю с ней?

ЖУРАВЛЕВ. А впрочем, я ее и не любил. Это так, обида, мужское самолюбие, мы прекрасно сыграли свой раут любви... А ведь она его сейчас обнимает, так же как меня... И говорит так же, и гладит... Скажи, ведь ты женщина, поясни мне – она сейчас помнит обо мне?

НАДЯ. Помнит... Мучается. И, наверное, жалеет, если любила...

ЖУРАВЛЕВ. Глупо. Но тяжело. Я или сопьюсь, или сойду с ума... Пойдем на мост. Надежда, я покажу как манит вода... черная, гладкая... Другой мир. Мне кажется, она гипнотизирует... Вам не хотелось туда когда-нибудь... Там ведь

что-то должно быть... (Натянута смеется). Там ничего. Глупости плету, плету... (Вытирает ладонями лицо). Дождь... Что-то не так я говорю... Я пьян, все-таки пьян, хотя Купов подставил эти мензурки, жмот... Вот так, Надюша, сейчас я возьму себя в руки. (Выпрямляется). Мне еще вполне можно жениться, как вы считаете, я ведь не так стар... Пойдемте обратно, там Купов, он сейчас мне все растолкует, он умеет. Там этот шут, а без него скучно. Там тепло, есть что выпить...

НАДЯ. Георгий вам надо отдохнуть, побыть одному. Почему вы так боитесь одиночества? Это только кажется, что страшно быть одному, но если пересилить первый испуг, все пройдет. Георгий, одиночество лечит и оно делает сильным... Словно ты одна в мире, совсем одна и так и должно быть, и никто не вступится в защиту, никто не пожалеет, надо просто научиться защищаться и жалеть самой... Это не страшно, уверяю.

ЖУРАВЛЕВ (трезвея, смотрит на нее). Надя, я глупец... Вы ведь тоже одна и вам труднее, а я распустил нюни, я крепкий здоровый мужик, который еще все может, он еще может носить на руках, защищать... Он еще ведь кому-то нужен... Я вам нужен? (Долго смотрит на нее, проводит рукой по щеке). Дождь – это тоже слезы. Всех нас... Мы с вами потерпели кораблекрушение... На одном плоту... Мы так нужны друг другу...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Картина первая

Прошел год.

Квартира Журавлева. Журавлев за журнальным столиком просматривает журналы. Надя смотрит телевизор.

ЖУРАВЛЕВ. Надь, ты знаешь, я вчера встретил Купова. Тебе Вера ничего не говорила?

НАДЯ (не отрываясь от телевизора). Я ее уже давно не видела. Она больна?

ЖУРАВЛЕВ. Не то, что больна, просто Купов вынуждает ее сделать аборт, а она не хочет.

НАДЯ. Ты же говорил, что он хотел ребенка?

ЖУРАВЛЕВ. Его трудно понять... К тому же, насколько мне известно, он влюбился в какую-то студентку, жить без нее не может. Так говорит, во всяком случае. Вот и собирается уходить от Веры. А тут ребенок, сама понимаешь, ему это ни к чему.

НАДЯ. Мне казалось, что он любит Веру.

ЖУРАВЛЕВ. Купов? (Садится рядом в кресло). Что ты смотришь эту ерунду?

НАДЯ. Я не смотрю, я отдыхаю.

ЖУРАВЛЕВ. Ты совсем его не знаешь... Да и вообще, мне кажется, ты плохо разбираешься в людях. Он любит только себя, полноценная личность.

НАДЯ. Ты это серьезно?

ЖУРАВЛЕВ. Нет, конечно, но с оттенком уважения.

НАДЯ (после паузы). Когда я первый раз вас всех увидела, знаешь, кто больше всех мне понравился?

ЖУРАВЛЕВ. Догадываюсь, Купов.

НАДЯ (с интересом). Почему?

ЖУРАВЛЕВ. Все очень просто: я был с женой и отпадал само собой, Синицын – шут, а какая женщина пожелает стать женой шута, пусть даже умного. А Купов сочетал в себе и ум, и мужественность, и красоту. Уверен, интеллигентен... Если бы не тот бородатый романтик, ты не устояла бы перед ним.

НАДЯ. Ты плохо знаешь женщин, Георгий. Хотя прав, именно Купов меня заинтересовал тогда, но себя напрасно исключаешь. Мне неважно было, женат ты или нет, ты просто ничем меня не поразил.

ЖУРАВЛЕВ. Ты забываешь, что я не был в этом заинтересован, в отличие от остальных...

НАДЯ. Ах, ну да... Но все-таки я никогда не смогла бы в него влюбиться, хотя, вполне возможно, не отказалась бы от его ухаживаний.

ЖУРАВЛЕВ. А меня смогла бы тогда полюбить?

НАДЯ (уклончиво). Ты же сам сказал...

ЖУРАВЛЕВ. Но ведь ты не согласилась?

НАДЯ. Ты был слишком сильным... А самым слабым среди вас был Синицын... Алик...

ЖУРАВЛЕВ. Обычно женщинам нравится сила.

НАДЯ. Я отношусь к меньшинству женщин.

ЖУРАВЛЕВ. Нам надо было лучше куда-нибудь сходить сегодня...

НАДЯ. Когда-то мы должны пережить первую ссору, почему бы не сегодня?

ЖУРАВЛЕВ (подходит к ней, обнимает). Ну что ты, какая ссора, Надюша... Знаешь, самое противное для мужчины, это когда его не любят, а жалеют... Слушай, давай сделаем маленький праздник, я схожу за вином, ты что-нибудь приготовишь и посидим вдвоем...

Звонок.

НАДЯ. Открой, кто-то пришел.

ЖУРАВЛЕВ. Ну надо же... Вот так всегда. (Уходит. Возвращается вместе с Журавлевой. Она пьяна).

ЖУРАВЛЕВА (делая вид, что не замечает Надю). Не ждал? А я вот зашла, шла по улице и зашла. Окна горят, думаю, чем мой бывший муженек-актер занимается. Как поживаешь?

ЖУРАВЛЕВ. Как видишь, неплохо.

ЖУРАВЛЕВА (останавливаясь перед Надей). О, новая героиня. Молода, умна, изящна на супружеском ложе...

ЖУРАВЛЕВ. Не говори пошлостей.

НАДЯ. Может хотите кофе или чаю, я приготовлю?

ЖУРАВЛЕВА. Спасибо, деточка. Не думаю, что ты готовишь его лучше меня... Мой бывший муженек еще не говорит, что он смахивает на помой?

ЖУРАВЛЕВ. Ты стала еще злее.

ЖУРАВЛЕВА (пройдя по комнате). Я все та же. О, у новой героини все по-новому... Она не угождает твоему вкусу... Хочешь меня выгнать? Не спеши, я ведь по делу... (Останавливается перед Журавлевым). Я с Мишей уезжаю в санаторий. С Михаилом Александровичем, моим мужем, я бы хотела оставить тебе на это время мальчиков...

ЖУРАВЛЕВ. Сыновей?.. Конечно... Черт, мне не дадут сейчас отпуск...

НАДЯ. Ничего, я возьму отпуск, Георгий, побуду с ними...

ЖУРАВЛЕВА (зло). А вас, милочка, не спрашивают... Прежде надо родить...

ЖУРАВЛЕВ (вдруг хохочет). Ты потерпела фиаско! Машенька, твой Кузьмин тебя бросил!

ЖУРАВЛЕВА (истерично). Ерунда! Он любит меня, как ты никогда не сможешь любить!.. Ты, ты мелкий пакостник, ты баба!.. (Всхлипывает). У тебя всегда был пакостливый, бабий характер!

ЖУРАВЛЕВ. Но теперь тебе не приходится терпеть меня.

ЖУРАВЛЕВА. Да, я ожила. Наконец-то я живу так, как хочу.

ЖУРАВЛЕВ. Ходишь на панель?

ЖУРАВЛЕВА. Это ты был сексуальным маньяком...

ЖУРАВЛЕВ. Надюша, скажи моей бывшей жене, что я нормальный, здоровый, уравновешенный мужчина...

ЖУРАВЛЕВА. Она просто еще мало живет с тобой.

НАДЯ. Мне лучше пойти погулять...

ЖУРАВЛЕВ. Нет, останься. Я тоже не хочу оставаться с этой истеричкой.

НАДЯ. Я не заслужила оскорблений.

ЖУРАВЛЕВА. Она не заслужила... Да ты просто... Просто шлюха... Ты его любишь? Может быть, ты любила Букова? Может, ты любишь каждого, с кем ложишься в постель?..

НАДЯ. Это вас не касается. Я прошу вас, уйдите.

ЖУРАВЛЕВА. Это моя квартира, скажи спасибо, что я оставила ее Георгию, а теперь ты гонишь меня из моего дома?

ЖУРАВЛЕВ. Довольно!.. Устроили базар. (Журавлевой). Ты все сказала?

ЖУРАВЛЕВА. Ты меня тоже гонишь? Ты уже пляшешь под ее дудку... (Злорадно). Ну хорошо же, сыновей своих больше ты никогда не увидишь.

ЖУРАВЛЕВ. У нас будут дети.

ЖУРАВЛЕВА. Будут? (Смеется). С ней?.. У нее никогда не будет детей!

НАДЯ. Уходите!

ЖУРАВЛЕВА (уходя). Никогда! Она не может рожать!

Журавлев выталкивает ее.

ЖУРАВЛЕВ (возвращаясь). Алкоголичка...

НАДЯ (плача). Георгий, за что она меня так...

ЖУРАВЛЕВ (обнимая). Не обращай внимания. Пьяная женщина, у нее всегда был такой характер. Наговорит, а потом начинает каяться, плакать. Вот увидишь, она попросит у тебя прощения.

НАДЯ. Она тебя любит.

ЖУРАВЛЕВ. Что ты, мы терпеть не можем друг друга.

НАДЯ. Ты ее жалеешь?

ЖУРАВЛЕВ (после паузы). Да.

НАДЯ. Она действительно испортит твоих сыновей.

ЖУРАВЛЕВ. Ничего, мы родим своих. Родим, правда? (Целует).

НАДЯ (отстраняясь). Давай не будем об этом?..

ЖУРАВЛЕВ. Хорошо, хорошо... Моя Надежда, мое золотце... Мое спасение... (Обнимает ее).

Картина вторая

Квартира Журавлева. За столом, заложеными книгами, работает Надя. Свет настольной лампы падает на нее и листы бумаги. Все остальное в полумраке. Неслышно входит Журавлев стоит у стены, смотрит на нее, потом кашляет.

НАДЯ (оборачиваясь). Там на кухне ужин. Наверное, остыл, – подогрей...

ЖУРАВЛЕВ (садясь на диван). Не хочу есть... (После паузы). Почему ты не спрашиваешь, где я так долго был?

НАДЯ. Я думаю, что скажешь сам.

ЖУРАВЛЕВ. Холодно.

Надя все так же листает книги.

ЖУРАВЛЕВ. Тебе не холодно?

НАДЯ. Мне – нет.

Пауза.

ЖУРАВЛЕВ. Ты стала холодна со мной.

НАДЯ (прибирая на столе). Давай спать.

ЖУРАВЛЕВ. Словно чужие.

НАДЯ (отходя к окну, смотрит на улицу). И винишь в этом ты меня...

ЖУРАВЛЕВ. Я сегодня гулял со своими пацанами... Тебе неинтересно?

НАДЯ. Георгий, мне кажется, мы не нужны друг другу. Нас подбирают разные корабли...

ЖУРАВЛЕВ. Вот как? У тебя кто-то появился?

НАДЯ. Мужчине всегда нужен повод для того, чтобы уйти?

ЖУРАВЛЕВ (после паузы). Иначе его будет мучить совесть...

Пауза.

НАДЯ. Я уйду завтра.

ЖУРАВЛЕВ. Ты меня совсем не любишь.

НАДЯ. Это еще одно оправдание.

ЖУРАВЛЕВ (решительно, вставая). Я действительно подонок, прости меня, Надя. Я должен прямо и честно сказать, а не юлить, как нашкодивший юнец. И не искать себе оправдания: Маша хочет ко мне вернуться... Она бросила Кузьмина, уже давно бросила. Сегодня я был у нее.

НАДЯ. Я догадалась.

ЖУРАВЛЕВ (подходит к ней, хочет дотронуться, но останавливается). Чувствую себя подонком... Почему? Я люблю Саньку с Вадимом, люблю Машу, ты не смогла мне их заменить... Ведь будет лучше и тебе, если мы расстанемся... Скажи откровенно – ты ведь не любишь меня?

НАДЯ (поворачиваясь, после паузы). Нет.

ЖУРАВЛЕВ. А любила?

НАДЯ. Нет. (Усмехаясь). Успокойся, пусть не мучает тебя совесть... Я нисколько не жалею, что ухожу...

ЖУРАВЛЕВ. Я, конечно, эгоист... Но все-таки мне хотелось бы, чтобы ты меня любила... Хоть чуть-чуть...

НАДЯ. Я не знаю такой любви: чуть-чуть... Нет, Журавлев, я тебя просто жалела.

ЖУРАВЛЕВ. Просто жалела. (Походит к столу, перекладывает книги, идет к выходу, нерешительно останавливается). Я пойду?

НАДЯ. Иди.

ЖУРАВЛЕВ. Может я не приду завтра.

НАДЯ. Как хочешь.

Журавлев уходит. Надя медленно идет к дивану, опускается на него и, уткнувшись в спинку, негромко плачет.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Картина первая

Квартира Юры. Какое-то странное ощущение неуют и печали. На телевизоре портрет улыбающейся Марины. Длинный стол, ничем не прикрытый. За столом напротив друг друга Надя и Юра. Он в черном строгом костюме, она в черном платье.

НАДЯ. Ну вот, теперь ты знаешь обо мне все... А как все случилось? Мы с тобой тогда совсем и не поговорили...

ЮРА. Она была пьяна, за рулем. На повороте, на обгоне, машина врезалась в грузовик...

Пауза.

НАДЯ. Одна?

ЮРА. Водитель грузовика не пострадал. А Сергей... С ней был Сергей, отделался ушибами.

НАДЯ. Прости, я не знала...

ЮРА. Не думай, что мне больно говорить об этом... Последнее время мы уже только делали вид, что живем вместе.

Она все время куда-то раскатывала на машине... У нее были любовники... У нее всегда были любовники... Ты ведь знаешь.

НАДЯ. Нет.

ЮРА. Кажется, самое серьезное у него – сломанная ключица... Тебе это интересно?

НАДЯ. Нет. Я его не любила. Обидно, что поняла это тогда, когда ничего уже не изменишь... Я любила тебя, только почему-то не могла этого понять. Думала, что жалею...

ЮРА. А я понимал, но ничего не мог сделать. Опьянение юности, что ли. Ты уходила к Сергею, а Марина крепко держала меня. И как по инерции, как во сне – вся жизнь, до вот этого нашего разговора...

НАДЯ. Почти десять лет мы не могли разглядеть друг друга. Какая-то жестокая нелепость.

ЮРА. Да, Лешке уже восемь.

НАДЯ. Хороший мальчишка, и похож на Марину...

Пауза.

ЮРА. Ты была в институте?

НАДЯ. Да. Меня берут. Через неделю я приеду насовсем.

ЮРА. Я думал, что никогда уже не буду счастлив.

НАДЯ. Я тоже.

ЮРА. А теперь у нас почти взрослый сын.

НАДЯ. Только пусть он живет с нами... (Пауза). Он еще

долго будет звать меня тетей...

ЮРА. Ничего, он скоро поймет, что ты самая добрая...

НАДЯ. Я не хочу, чтобы он забывал свою мать.

ЮРА. Я тоже этого не хочу. Пусть у него будут две мамы.

НАДЯ. Спасибо...

Пауза.

НАДЯ. Да. Вспомнила почему-то знакомых...

ЮРА. А хочешь, я угадаю, что с ними стало?

НАДЯ. Попробуй.

ЮРА. Журавлевы живут вместе. Иногда ругаются. Он частенько выпивает и тогда она устраивает ему скандал и вспоминает тебя...

НАДЯ. Пожалуй, ты прав.

ЮРА. Купов живет один.

НАДЯ. А его увлечение студенткой? Его любовь?

ЮРА. Я думаю, она ушла от него. Женщины любят, чтобы их любили... А он также ходит в какой-нибудь салон, но уже не бравирует тем, что он старый холостяк.

НАДЯ. Может быть... А ты – психолог.

ЮРА. Просто ты очень хорошо обо всех рассказала... Я думаю, что Зотова живет сейчас с Синицыным.

НАДЯ. Почему?

ЮРА. Они подходят друг другу. Оба любят играть, оба увлечены желанием обмануть жизнь, себя и окружающих, их

вполне устроит светское сожителство без обязательств. Думаю, что салон мадам Зотовой процветает, в нем новые люди, но старые традиции...

НАДЯ. Мне жалко Веру... А Купов, конечно, негодяй. Она сделала аборт и неудачно...

ЮРА. Почему ты их жалеешь?

НАДЯ (после паузы). Не знаю... Может потому, что они тоже страдают...

ЮРА. Ты совсем не похожа на них... Ты — добрая. И несчастная.

НАДЯ. Была.

ЮРА. Да, была. (Гладит ее руку). Как и я.

НАДЯ. Только не говори так... Это мне что-то напоминает... Плохое...

Пауза.

ЮРА. А Буров женился?

НАДЯ. Нет.

ЮРА. Наверное, он все еще любит тебя...

НАДЯ. Юра, давай не будем о нем...

ЮРА. Прости, это действительно жестоко.

Пауза.

ЮРА. Нам пора, ты опоздаешь на самолет.

НАДЯ. Хочешь, чтобы я поскорее ушла?

ЮРА. Я хочу, чтобы ты поскорее вернулась и уже никогда никуда не уезжала.

НАДЯ. Я тоже.

Пауза.

ЮРА. Все-таки мы нашли друг друга.

НАДЯ. А ты не жалеешь, что это не случилось десять лет назад?

ЮРА (после паузы). В жизни все подчиняется каким-то законам. Наверное, это было невозможно.

НАДЯ. Пора. (Встает).

ЮРА. Да, время.

НАДЯ. Не провожай.

ЮРА. Нет. Я буду тебя всегда встречать и провожать. А еще я буду...

НАДЯ (закрывая ему ладошкой рот). Помолчи...

Уходят.

Говори, чтобы я мог тебя видеть

Сократ

МОЙ КОМАНДИР

пьеса на два голоса

Сцена разделена на две половины. С одной стороны – уютная, по-женски обставленная комната, в которой необычно смотрится только открытый ноут-бук на туалетном столике. Другая скорее кабинет, чем жилое помещение. На столе помимо стопки книг, папок, письменного прибора, предмета больше декоративного, чем функционального, – монитор.

Задняя часть сцены – экраны, на которые во время действия проецируются кино и фотосюжеты.

Она

В комнату входит женщина. Она в халатике, тапочках. На вид ей около пятидесяти. Садится перед зеркалом, разглядывает свое отражение и привычно пододвигает ноут-бук. Все так же продолжая изучать свое лицо, включает его, настраивает, иногда поглядывая на экран, и вдруг замирает, подвигает ноут-бук ближе, что-то быстро настраивает... И замирает, пристально глядя на экран. Шепчет.

– Нашла... Я все-таки тебя нашла...

Смотрит в зеркало, словно оценивая себя, потом опять торопливо набивает, но, перечитав, стирает и снова набивает...

– Спокойно, дурочка, спокойно... На что ты надеешься?.. Он, конечно, женат и счастлив, не то что ты...

Смотрится в зеркало.

– Ну и что?.. За женой как за каменной стеной?.. Так сейчас каменных не строят, бетон или в один кирпич, не больше, не себе, на продажу...

Быстро стучит по клавишам.

На большом экране проецируется весь процесс, буквы складываются в слова, которые она, набирая, негромко произносит.

– Привет, Командир... Ты еще помнишь меня?.. Только посмей сказать, что не помнишь!

Перестает набирать.

– Стой, красавица... Убавь пыл... Давай сначала посмотрим, кто он и что у него...

Набирает. Ждет, не скрывая нетерпения. Наконец на экране появляется фотография седовласого мужчины. Снимок официальный, сделан в кабинете.

– Командир...

Пристально взглядывается.

– Ты уже седой... Но такой же... загадочный... И не мой...

Продолжает манипуляции с ноут-буком, и на большом экране появляется портрет женщины.

– Значит, ты женат, как и следовало ожидать... Интересно, первая?.. Вторая?.. Нет, скорее третья, явно моложе...

Смотрится в зеркало.

– А может это дочь?..

Набивает. На экране – портрет смеющейся девушки.

– Не будь душой, дочь – вот эта... И, кстати, похожа... на него... И на нее...

На экране меняются фотографии мужчины, женщины, девушки. Порознь и вместе, в разных местах и ситуациях. Затем чередуются фотографии девочки. Маленькой, побольше...

– А это внучка... Значит, ты уже дед... Всего одна?.. Негусто мы с тобой посеяли...

Встает, выходит из комнаты и тут же возвращается с телефоном в руке. Начинает набирать номер. Спыхватывается.

– Что я, дура, делаю... Второй час ночи... Да и неинтересно это ему. Ну, нашла, мать, ты свою первую любовь, а ему от этого ни холодно, ни жарко... А так хочется поделиться с кем-нибудь...

Устало садится.

– А то еще и приревнует... Я ему все уши прожужжала: «учись, как Командир»; «относись к девушкам, как Командир»... Одним словом, будь похож на моего Командира... Только не на отца... Хотя глупо ревновать к прошлому...

Смотрится в зеркало. Потом оглядывает комнату, о чем-то раздумывая. Наконец решительно пододвигает но-

ут-бук и начинает быстро набирать. Появляющиеся на экране буквы складываются в слова:

«Привет! Я тебя нашла! Как ты?.. Не забыл меня?..»

Он

В кабинет входит мужчина. Включает компьютер. Начинает просматривать папки. Что-то откладывает, что-то подписывает. Наконец, отодвигает их в сторону и смотрит на экран. Удивленно оглядывается по сторонам, словно желая что-то у кого-то уточнить или чем-то поделиться, потом касается клавиатуры.

На экране – Ее портрет.

– Да это же...

Увеличивает снимок. Разочарованно.

– Н-да, что с нами делает возраст...

Откидывается в кресле.

– Она ведь меня младше лет на... Нет, не намного, кажется, на четыре... или пять... Я был на пятом курсе, она – на первом...

Всматривается в портрет.

– Изменилась... Потяжелела... А глаза – те же... И улыбка.

Звучит мелодия «Yesterday». Он подносит к уху мобильник.

– Да, дорогая... Нет, я успел... Хорошо... Слушай, я тут зашел в «Одноклассники»... Вот знакомая из юности объявилась... Ну та, с которой до тебя роман был... После лавины. Да чего уж ревновать, что было, то прошло... Нет, она очень изменилась... А что, с возрастом кто-то меняется в лучшую сторону?.. Кроме тебя, конечно... Да нет, это чистая правда... Ладно, перестань... Сама посмотришь. Пока.

Кладет телефон перед собой. Смотрит на экран.

– Сколько лет прошло... Любопытно, как у нее жизнь сложилась.

Пододвигает клавиатуру.

На экране поочередно появляются фотографии. Она в саду. На фоне гор (явно не южных). На улице с надписями на каком-то языке. На знойном пляже, но на этой фотографии она еще стройная, молодая. Строгая и тоже молодая – с мальчиком. Уже сегодняшняя, улыбающаяся, рядом с высоким юношей, похожим на нее.

– Сын... «Мы с сыном»... А где же муж?

Теперь фотографии мелькают быстрее, но на них Она или одна, или в компании.

– Муж, судя по всему, обьелся груш...

Начинает набирать, и на экране появляется текст.

«Привет. Я рад, что ты нашлась. Как живешь?.. У меня все нормально: жена, дочь, внучка. Работа. Ты уже пенсионерка?..»

Она

В комнату, продолжая на ходу говорить по сотовому телефону, входит женщина. Она в деловом костюме, только пришла с работы.

– Сынок, ты эгоистичен... Может твоя мать иметь если не платоническую любовь, то хотя бы виртуальное увлечение?.. Тем более со своим сверстником... Я же не пристаю, как некоторые старушки, к юнцам... И совсем не хочу быть злобной, хронически неудовлетворенной феминисткой... Да, если хочешь, я к нему отношусь, как Петрарка к Лауре, кстати, которого ты так и не осилил, поэтому не знаешь, какие у них были отношения... Да, в моей жизни немало всего и

кого было, вот поэтому не стоит за меня беспокоиться...

Глубоко вздыхает, слушая.

– Ну да, ты талантливый программист, у тебя хорошая голова, но вашему поколению не дано чувствовать... Вы любите железки, головоломки и исключительно себя... А мы в твоём возрасте любили друг друга... Мужчины – женщин, женщины – мужчин... Не надо опошлять, я не имею в виду сексуальные извращения. Это сейчас эти отношения стали обыденной мерзостью... Да у нас не было вашего примитивного физиологического секса с кем попало, у нас была настоящая любовь... Вот ты сразу подумал о непристойном, а мы, как и положено нормальным людям, любили противоположный пол... Да, не отрицаю, я нетерпима, не толерантна по отношению к геям, бисексуалам и прочим извращенцам, называй их как хочешь, потому что я нормальная, настоящая, хоть уже и немолодая женщина...

Слушает. С раздражением.

– Вот доживешь до моих лет, может быть, начнешь понимать, в чем разница... Все, помолчи, иначе поссоримся...

Слушает.

– Нет, отец твой мне не звонил. И дай бог, чтобы никогда не позвонил.

С раздражением выключает телефон.

– Отчего родные дети так эгоистичны?.. Живешь для них, пластаешься, жилы рвешь – воспринимают как должное. Только для себя захочешь пожить, пусть самую малость, – сразу в штыки...

Раздевается и останавливается перед зеркалом в одном белье. Разглядывает себя.

– Грудь, конечно, великовата...

Приподымает ладонями.

– Хотя сейчас это модно... И мужикам нравится... Вон как Маркович заглядывает, через стол перегибается... Того и гляди, клюнет своим длинным носом и не разогнется...

Вздыхает.

– И оценить некому...

Проводит ладонью по животу, стараясь его втянуть.

– Та-ак, спортом, миленькая, надо заниматься, а не пи-рожки трескать в обеденный перерыв... Или в тренажерный зал топать... Хотя чего я там не видела?.. Потные, озабоченные самки, верящие, что формами можно заманить счастье... Ну да, а ты совсем не озабочена?.. Да... была, во всяком случае...

Крутится перед зеркалом, разглядывая себя.

– Ладно, сойдет для виртуального общения.

Накидывает халат.

– Ну что, дорогой, откликнулся?

Включает ноут-бук.

На экране появляется портрет мужчины и текст.

– Откликнулся... А куда бы ты делся, мой милый...

Пауза.

– Хотя ведь вот делся... На сколько лет?.. Сыночку уже тридцать. И еще не женат, эгоист...

Вздыхает.

– Поколение пепси, поколение икс... Продвинуто-потерянные... Тридцать лет... Мне двадцать было, когда замуж выскочила... Два года я прожила с его отцом... Год до рождения и год после... Еще годы, пока я тобой переболела... мой Командир... Какая я была тогда романтическая... Отчего же, совсем не дура, просто романтическая первокурсница. А ты – пятикурсник. Умный, так много знающий того, о чем я даже не слышала... И о Петрарке и Лауре я тогда тоже ничего не знала, ты просветил... Ладно, что тебе сегодня написать?

Звонит домашний телефон. Она выходит и возвращается с трубкой.

– Ну, что ты хотел?.. Зачем?.. Нет, я тебя видеть не хочу... Что сын?.. И вообще, какое мне дело, что ты думаешь по этому поводу? Что ты вмешиваешься в нашу с ним жизнь?.. Ну да, теперь он для тебя сын. Когда стоит на своих ногах. А что же ты раньше о нем не думал? Знаешь что, я о тебе еще помню только потому, что он об этом попросил. Все! И не звони больше!

Бросает трубку.

Садится напротив нут-бука.

– Неужели каждая баба носит в себе такую тяжесть...

Начинает набивать текст, который появляется на экране.

«Привет, дорогой Командир...»

Останавливается. Уходит и возвращается с альбомом фотографий. Садится, неторопливо перебирает, подолгу рассматривая. На экране появляются фотографии молодой девушки, чаще всего смеющейся, с гитарой. Потом снимок туристов, среди которых Он и Она. Потом Он в штурмовке и с ледорубом наперевес на снежном склоне. И еще одна – застывшая сошедшая лавина... Откладывает фотографии, касается клавиш.

«Здравствуй! Я рада, что у тебя все сложилось, что ты живешь. Я только что пришла с работы, уже темно, сейчас попью чаю и лягу спать... Нет, перед сном обязательно разыщу старый альбом и старые фотографии из того похода... А потом уже лягу спать. Одна. Сын живет отдельно, в моей квартире, а я – в квартире родителей... Ты ее помнишь?.. Когда ты приезжал знакомиться с ними, ты спал на раскладушке, которая стояла рядом с моей кроватью, и мы держались за руки, пока не уснули...»

Стирает последнее предложение.

«Внуков у меня нет, мой сын никак не найдет свою половинку. Наверное, наследственное...»

Стирает последнее предложение.

«Работа у меня секретная, поэтому писать о ней ничего не буду. Расскажи о себе... И заметь, я внесла тебя в список моих друзей... Помнишь себя такого, Командир?»

На экране крупно снимок: он на снежной вершине, смотрит на горы перед ним.

Он

Мужчина включает компьютер, читает текст. Потом долго всматривается в фотографию, на которой он так не похож на себя сегодняшнего.

Набирает номер телефона. Долго не отвечают, и он кладет трубку. Потом звонит по мобильному.

– Ты уже в дороге?... Да так, уточняю... Тут, между прочим, моя знакомая из юности выставила мою фотографию... На которой я перед лавиной. Не знаешь, где у нас старый альбом?... Нет, конечно, это не срочно... Не нужно, я сам поищу... Целую, моя родная... До встречи.

Начинает набивать текст, который появляется на экране.

«Мужчины стараются помнить то, что им приятно...»

Задумывается. Стирает текст. Набивает.

«Женщины стараются помнить то, что им приятно».

Вновь задумывается и вновь стирает. Решительно бьет по клавиатуре.

«О себе я все изложил на собственном сайте. Даже если и не все, то главное. А так, все обычно, как у всех. Живем в заботах. Чем занимаюсь? Зарабатываю на проживание и в свободное время читаю Библию. В молодости был атеистом, теперь понимаю, что не по убеждению, а по незнанию и младоглупости. И, конечно, вследствие воспитания. И огорчаюсь, нет бы эту книгу прочесть раньше, на самую длинную жизнь загадок бы хватило... Не тратил бы время на разные глупости...

Вот, к примеру, читаем; «Если жена не осквернилась и была чиста, то останется невреждимою и будет оплодотворяема семенем». Отсюда следует, что бесплодие, которого у нас сегодня немало – это грех измены, может быть, даже свершенный ранее, ведь в четвертом колене аукается... Или вот

еще; «И будете приносить жертву Господу, всесожжение или жертву закалаемую, от волов и овец, во исполнение обета или по усердию, или в праздники ваши, дабы сделать приятное благоухание Господу». Почему столь необходима жертва? Может быть, это освобождающаяся душа, очищенная таким образом?.. И что понимать под «приятным благоуханием», ведь запах горящей плоти неприятен? Или это не осязаемое нами благоухание души?.. Ладно, не буду утомлять, думаю, у тебя иных забот хватает...»

Перечитывает. Задумывается. Убирает последний абзац. Дописывает.

«Но это урывками, а в основном все обыденно: утром – на работу, вечером – домой... В отличие от твоей, у меня работа совсем не секретная. И даже наоборот, делюсь своими секретами со всеми жаждущими и страждущими. Оттого и на сайт приглашаю. Зайди».

Она

Входит Она, явно навеселе. Мимоходом включает нот-бук, напевая:

– Командир, командир, улыбнитесь.
Ведь улыбка – это флаг корабля...

Скидывает туфли, ложится в платье на кровать. Глядя в потолок, раздельно произносит:

– Не провести ли нам совместно оставшиеся годы... Ха-ха... Фу, как звучит... А если я намерена еще лет тридцать-сорок радоваться этому миру? И все эти годы созерцать эту потную гладкую лысину?.. Рядом?.. На одной подушке?.. И этот красный нос... А запах чеснока?.. Ну уж, господин Маркович, фиг вам... Или вигвам, как говорил в детстве сын...

Садится перед ноут-буком.

– Ну что, Командир, заинтересовала я тебя?..

Читает текст.

– Конечно, узнаю брата Колю... Ты все еще считаешь меня, как и тогда, глупенькой, хотя и смазливой... Заметь, смазливенькой (поднимает указательный палец) первокурсницей... Ну да, я только что вырвалась из-под маминой опеки, а тут вы, умный, начитанный, философствующий, загадочный... Да, я была послушная домашняя девочка, ты ведь познакомился с моими родителями, они были строгими и целомудренными... И они мне всегда верили. Поэтому я не

позвала тебя в ту ночь с раскладушки к себе в постель... И тебе они поверили, когда ты пришел брать ответственность за меня перед походом... Ты считал, что я прирожденная скалолазка. А я ведь и в секцию пришла, потому что ты там был. И в поход из-за тебя пошла... А ведь ты тогда, в лавине, испугался за меня... И потом так меня любил...

Встает и, расхаживая по комнате, продолжает:

– Ты вот пишешь о душе, а ведь наши души тогда познали друг друга... Они были вместе. Они были едины тогда! А ты этого не понял... Хотя, может быть, я обольщаюсь, и только моя душа пережила это...

Вновь садится за компьютер. На экране появляется:

«Привет, Командир. Ты все так же скуп на слова и все так же пытаешься найти ответы на вечные вопросы?.. Глупо...»

Подумав, последнее слово стирает.

«Может, так и надо, но я не могу долго думать. У меня начинает болеть голова...»

Пауза.

«Правда, сегодня она болит еще и потому, что один мой...»

Пауза.

«...любовник...»

Думает. Вставляет слово и продолжает:

«потенциальный любовник предложил скрепить наш союз».

Стирает три последних слова и набивает:

«расписаться. Это смешно. Как хорошо я вас»

Стирает «вас»

«знаю мужчин...»

Пауза.

«...такого типа. Так что вместо ответа махнула рюмку коньяка и убежала домой бай-бай... И тебе бай-бай.. И твоей жене, а она у тебя вовсе еще не старушка».

Стирает последние четыре слова, подумав, добавляет:

«красивая...»

Решительно выключает ноут-бук.

Встает, потягивается... Разглядывает на руке браслет.

– А что, Маркович мужчина надежный. К тому же денежный, вон какие подарки делает... Говорят, правда, импотент... Ну, наберет сил пару раз в год, как-нибудь перетерплю... Сколько нас таких сейчас... Они все думают, что мы без этого не можем, а нам просто тепла не хватает... Внимания... Слова доброго... А может, ты, Командир, и прав, за

грехи наши платим... Только какие у меня грехи?.. Да и что ты обо мне знаешь?..

Садится на кровать и задумывается, глядя перед собой...

Он

В кабинет входит мужчина.

Достает из портфеля диск, вставляет в компьютер, и на экране появляется видеоряд. Судя по качеству, он смонтирован из старых любительских киноплёнок. Без звука мелькают кадры студенческих буден: праздничная демонстрация, то ли осенняя, то ли весенняя, улыбающиеся молодые лица, живо реагирующие на камеру; вечеринка или танцы в студенческом общежитии и пара, отмахивающаяся от оператора. Толпа туристов, навьюченных рюкзаками, идущих к автобусу и Она крупным планом с гитарой. Что-то играет. Звуча нет, но видно, что-то задорное...

Мужчина останавливает киноряд. Настраивает колонки, вновь включает, и звучит не очень четко, не совсем подходящее для женского голоса: «Лучшие гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...»

Он убирает звук.

Дальше киноряд сменяется снимками.

Вершины. Горная панорама. Вереница туристов на снежном склоне, сгибающихся под огромными рюкзаками. Она – смеющаяся, скатывающаяся на пятой точке по склону.

*Взбитая, как сливки, снежная гора сошедшей лавины... За-
столье, за которым те же лица, но не столь веселые, и в
центре – Она с гитарой...*

*И снова кино. Город, зацветающая сирень, под ней на ска-
меечке Он и Она машут оператору руками. Камера начина-
ет к ним приближаться, они прижимаются друг к другу и,
улыбаясь, смотрят в объектив. Потом он поднимается на-
встречу оператору, мелькает его рука, сирень, небо – и все
заканчивается.*

Мужчина достает диск.

Вертит в руках, явно не зная, как поступить.

– Ну, и что прикажете делать?... Да, мы были такими... На
той лавочке, чтобы никто не видел, тогда этого не делали на-
показ, нам нравилось целоваться... Когда мы вышли из-под
лавины, я понял, что должны чувствовать люди, вместе пере-
жившие смертельную опасность. Мы стали братьями и сест-
рами. И мы, такие разные, любили друг друга. Просто люби-
ли, ничего не требуя взамен... Интересно, где сейчас осталь-
ные... наши лавинные родственники. Вот ты нашла меня...
Ты и я – там, в прошлом, на пленке и в памяти... И мы се-
годня... Совсем другие...

Она

*Нарядно одетая женщина рассказывает перед объекти-
вом ноут-бука.*

– Ты хочешь знать, как я жила?.. Без тебя... Как тобой переболела, ненаглядный мой... Хорошо, что ты так стремительно исчез. Естественно, в секцию я больше не ходила. Мы с подружкой пошли на бальные танцы... Это была ее инициатива. Большинство юных девушек, а она относится к большинству, считают, что принца можно встретить на балу. И хотя мне дороже был принц в штормовке, я не стала сопротивляться. Согласись, это все-таки лучше, чем предаваться тоске и самоедству.

...Ты знаешь, я вот смотрю на нынешних наших детей, у них как-то все просто, облегченно, безвкусно... По-животному... Вот мой сын уже несколько подружек сменил. Сойдется с очередной, спрашиваю: любишь? А он в ответ: брось мам, при чем здесь любовь, мне нужен секс, ей нужен секс... Чистая физиология... Поживем, пока не надоест... И у девиц этих не он первый... Вот и не знаю, дождусь ли внуков...

Ладно, вернемся в наше прошлое... Подруга легкая, гибкая... была. У нее сразу появился партнер, а мне не досталось, мальчиков тогда меньше было. Помнишь, на десять девчонок – девять ребят... А ее выбрал очень даже симпатичный мальчик с машиностроительного факультета. Можно сказать, красавчик. У них – роман, а я сбоку припеку. Они целуются, а я тебя вспоминаю... Как мы подолгу друг друга провожали... Не могли расстаться... Зато на учебу навалилась, сразу в отличники выбилась, в научное общество всту-

пила, исследовательский диплом стала делать. Одним словом, к пятому курсу уже в числе лучших в институте значилась. Ты в это время, насколько я знаю, где-то в сибирских просторах обитал... В итоге – красный диплом и распределение по желанию. Может быть, и поехала бы к тебе, если бы знала, куда, а так осталась дома... И, кстати, я уже была замужем. Сразу после защиты диплома выскочила... За того красивенького танцора... И зря подруга со мной тогда поссорилась, совсем я не хотела его отбивать, лучше учиться на чужих ошибках... Но я тогда об этом еще не знала...

Он, между прочим, за мной больше года увивался, а я по-честному все подругу ему сватала, хотя было уже видно, что ничего у них не получится. Между прочим, его, как и тебя, зовут, может, поэтому и уступила. Только ты для меня всегда был и остаешься Командиром...

...Ну что тебе о нем рассказать?.. Он закончил на год раньше, работал на заводе инженером. Пока я беременная ходила, жили неплохо. Он обходительный, внимательный был... Не все в нем мне нравилось. Сначала с насильником сравнивала, так не хотелось его ласк. Но терпела, представляла, что это не он, а ты... Имена-то у вас одинаковые... Но со временем сгладилось: отец твоего ребенка плохим быть не может... Вам, мужчинам, этого не понять... Вот отсюда и стерпится – слюбится. Только это верно в том случае, если жена рождает одного за другим, а мужа потом начинает через своих детей любить. Вот только сколько надо нарожать, что-

бы слюбилось, никто не знает. Но один ребенок, точно, не поможет. Мне надо было, наверное, с десяток...

А потом я вышла после декретного на работу. Коллектив у нас в лаборатории в то время был сугубо мужским, интеллектуальным, эрудированным, ты бы в нем своим был. И я среди моих лобастеньких – одна-единственная женщина. Причем очень даже симпатичная... Ты же согласен, я была не красавицей, но интересной... Не стану скрывать, вниманием не была обделена, более половины из умненьких были женаты на науке, а оттого юридически свободны и внимательны. Я для них стала олицетворением любимой во плоти... И отец моего сына это почувствовал, начал меня ревновать. Я, дурочка, в свое время ему о тебе много рассказала, думала, не должно быть от своей половинки тайн... А тут и тебя начал недобрым словом вспоминать, и коллег в любовники поголовно произвел. Обидно было до того, что хотелось порой рога ему наставить, тем более, было с кем, но воспитание сдерживало. И его жалела. У него на работе ничего не ладилось, все с начальством конфликтовал. Считал себя обиженным, не оцененным. А если честно, не умел он работать. Дома если гвоздь забивал, обязательно по пальцу попадал. Я долго терпела, но когда он меня ударил, выставила...

Сыну два года было...

Вот такая у меня арифметика семейной жизни: два года хоть и не душа в душу, но ровно прожили, год терпела и жалела, а потом еще год разводилась...

Ладно, на сегодня довольно, ложусь спать. Попробую тебя увидеть...

До этой картины герои появлялись порознь перед нами. Теперь постоянно видны две половины сцены, кабинет и комната, и пока один из героев говорит, второй живет своими повседневными заботами. И монологи, по сути, превращаются в диалог.

Он

Мужчина только что прочитал письмо. Видно, что-то его зацепило в нем, и он, расхаживая по кабинету, отвечает.

– Ты права, нынешнее поколение двадцатилетних отличается от нас, какими мы были в их возрасте... Мы жили чувствами, а они – глазами. У нас было множество запретов, у них практически никаких. Нас опекали и воспитывали с малых лет в садике, школе, институте... Да и потом... Только другими методами... И за непослушание – наказывали... Они же росли сами по себе, как сорная трава, пока мы, взрослые, совсем забыв о них, были одержимы желанием разбогатеть...

В нашу молодость все вокруг было стабильно и застойно, отчего мы жили большими и дальними планами и верой в лучшее будущее. У них – перемены каждый день до полной дезориентации. Будущее туманно и неопределенно настоль-

ко, что планы строить нелепо. У нас, в прошлом, было все незыблемо и прочно. У них, в настоящем, шатко и переменчиво. Малой части общества перемены пошли на пользу, я не имею в виду обогатившихся казнокрадов, от богатства материального как раз никакой пользы душе. Я имею в виду ту малую часть, которая получила более ценное, чем деньги, — доступ к ранее закрытой информации. Той, что возвращает наше общество из тупика безоглядного служения одной идее к постижению логики развития всего человечества.

Поэтому не буду спорить, да, мы жили в резервации, называемой социализмом, до отупения штудировали марксизм-ленинизм исключительно по критическим статьям прирежимных идеологов, которых учеными, естественно, назвать нельзя, тайно изучали чуждые нам философии. Но это вытаскивание истины из-под напластований изошренной лжи развивало в нас интуицию, заставляло достраивать логические цепочки, учило независимо мыслить. Литература, искусство этого периода, называемые социалистическим реализмом, достигли истинно творческих высот. Я не беру во внимание графоманию и псевдохудожественное ремесленничество партийного прославления, как правило, заурядных, но обласканных властью конъюнктурщиков. И взаимоотношения мужчины и женщины, как тема, обложенная запретами менее всего, была изучена искусством более всего. Запрет, конечно, был и здесь. Например, запрет опускаться в творчестве ниже пояса. Но ведь это как раз и возвышало,

идеализировало отношения полов! Именно это и поднимало подростка на уровень постижения главенства в любви духовной близости, когда астральная энергия двух людей соединяется, когда Он и Она становятся действительно нераздельными половинками, из которых Бог создает единое целое! Физическая близость вторична, и она, чудо физического единения, слияния, есть следствие духовного слияния, реализация Божьего промысла... Отсюда уважение друг к другу, возвышенность отношений. Это Божий дар влюбленным-возможность постичь тонкие материи бытия в высшую точку чувственной любви...

У нас в общежитии был один-единственный сокурсник, который называл девушек телками и видел в них исключительно источник удовлетворения физиологических потребностей... Фактически он тем самым принизил себя до животного, до быка-производителя... И мы его терпели, но не понимали...

Более всего мне не хотелось бы верить в фатальную неизбежность конфликта поколений. Как-то не лежит к этому душа. И я не скажу, что наши дети хуже нас. Они просто на иных тренажерах накачали другие мускулы... Мы – многообразие чувственного восприятия мира. Они – визуально-виртуальную эрудированность... Конфликт поколений заключается в избирательном освоении информации и жизненного опыта. А еще в разновеликом временном резерве понимания жизни.... Погоня за материальными удоволь-

ствиями этот резерв уменьшает... Во всем остальном человек неизменен со дня творения, как бы ни нравилась многим нелепая гипотеза Дарвина... Отсюда следует, что информация столь же материальна, как те же электрическое или магнитное поля, которые мы так же не видим. А время жизни каждого – это способность осмыслить определенный, только ему доступный объем информации. В этом, кстати, истинная индивидуальность каждого, а не в стремлении отличиться внешне. Вот только не знаю, информации усваиваемой или же выдаваемой в ноосферу ... По-видимому, важно и то, и другое в равной степени... И измерять ее следует в килобайтах, мегабайтах или в чем-то другом... Впрочем, я не силен в этих терминах, тебе они понятнее...

Мы с нашим чувственным восприятием противоположного пола и окружающего мира, с нашим жизнелюбием, им, нашим детям с очевидным прагматичным и порой циничным подходом даже к непреложным ценностям (кстати, сформированным невниманием с нашей стороны), им, пережившим духовную деформацию, даже деградацию, порожденную девятым валом негативной информации, непонятны. Это больно, но это надо признать.

Мой недавний шапочный знакомый, столичный издатель, выпускающий жвачное и развращающее чтиво, не имеющее никакого отношения к истинной литературе, осознавая это, сохраняет собственное духовное здоровье следующим образом: утром и вечером, на сон грядущий, как противоядие,

прочитывает по несколько страниц классики. Я все хочу спросить лицемерного отравителя: он верит, что богатство, нажитое подобной деятельностью, сделает его самого, его детей, внуков счастливыми?.. Он что же, забыл об обязательной расплате вплоть до четвертого колена?

Мне нравится версия о том, почему в Раю Адаму запрещено было вкусить плод дерева Познания, в которой запрет обосновывается духовной неготовностью первого человека правильно распорядиться полученным знанием. Мне кажется, нынешнему поколению молодых подкинули плод новых знаний, не подготовив их духовно. И в том, как они поняли вкус отведанного, не их вина... В этом их крест, и очень нелегкий. Вот отчего я не тороплюсь их обвинять, хотя проще всего пойти по привычному пути восхваления собственной юности, а значит, и своего поколения, и себя, это ведь придает силы... Мы ведь черпаем жизненную энергию как из будущего бессмертия, так и из прошлого жизненного опыта... А еще хаять приходящих тебе на смену – это вполне естественно и объяснимо: кому хочется покидать лучший мир, а из худшего не жалко и уходить...

...Извини, если мудрено. Выплеснулось. Последнее время много думаю об окружающей бездуховности, завышенных претензиях бездарей, гламурной мишуры, накрывшей все таким толстым слоем, что истинного уже почти не видно. Но, может, так и должно быть. Господь ведь любит каждого человека, а значит все, что происходит с нами плохого, как

нам кажется, сегодня, обязательно обернется лучшим в будущем. Моя бабушка говорила, все что делается, – к лучшему. Она была верующей, а я пионером-атеистом. Не соглашался. Спорил. А теперь вот признаю, она была права...

Конечно, приятно и комфортно, когда в стране есть миллионы людей, читающих толстые журналы или любящих, понимающих искусство и его значение, как это было в огромной стране Советов. Но так ли уж плохо, если их тысячи?..

Нет, конечно плохо... Атмосфера удушливая... Хочется свежести, очищающей грозы...

Но это другая тема...

В твоём альбоме я не увидел фотографии твоего мужа. Я не говорю об отце твоего сына... Я сам тоже не праведник, и знаю, что такое ревность, но унижить любимого человека словом и тем более насилием – значит уничтожить все отношения... Думаю, ты была права, что ушла. И наверное, ты его не любила... Но с тех пор столько лет прошло... Твоему сыну уже под тридцать?

Она

Все это время женщина, лежа на постели, читала толстую книгу, порой пролистывая страницы, забегая вперед и возвращаясь обратно, порой задумываясь, откладывая в сторону, иногда недовольно морщась, пытаясь понять прочитанное.

Наконец закрывает книгу, поднимается, выходит из ком-

наты. Возвращается одетая в строгий костюм, явно собираясь уходить. В это время звонит телефон. Снимает трубку.

– Привет, подруга! Хорошо, что позвонила... Как живу? Замечательно!.. Слушай, у меня уже несколько дней праздник.. Какой?.. Я свою любовь нашла!.. Да нет же, я не о старичке каком-нибудь, не радуйся... И при чем здесь Маркович? Он никогда мне не нравился... Ну и что, что прежде иначе говорила, это я аутотренингом занималась, настраивала себя, чтобы в первую ночь с кровати его не столкнуть... Зачем?.. Не задавай глупых вопросов. Ты не знаешь, каково с нелюбимым любовью заниматься. Скажи спасибо, что я тебя в свое время уберегла, для Гаврика сохранила. Он тебя всю жизнь на руках носит, да еще и собственную карьеру умудрился сделать. А вышла бы тогда за моего красавца, сейчас созерцала бы неудачника...

Ладно, закроем тему, действительно. Но это из Гаврика тебе удалось вылепить, что хотела, а из моего ревнивца замучилась бы... Да, живет один, последняя его тоже выгнала. А может, сам сбежал, не уточняла. Давай лучше не будем о нем, иначе мы с тобой разругаемся...

Слушает долгий монолог. Наконец, не без раздражения, перебивает.

– Так, подруга, или ты меня слушаешь, или я умолкаю... Да, наконец-то ты угадала, я нашла своего Командира...

Ну, вот видишь, сколько сразу вопросов. Где живет, пока не знаю, но, судя по всему, в России. Выглядит просто замечательно. Да, седовласый, немолодой, конечно. Но очень импозантный... Сама сходи в Сеть, посмотри...

Олечка, я не хожу по сайтам голых мальчиков. Меня глупые носители одного-единственного мужского достоинства, писяна, не возбуждают. В отличие от тебя. Мы с тобой эту тему уже обсуждали. Я люблю настоящих мужиков или мудрецов. Седина и тем, и другим идет... Именно поэтому я в свое время Игоря Иосифовича и приняла, ты совершенно права... И, между прочим, с ним мы прожили хоть и недолго, но счастливо. В отличие от твоего расхваленного Томазика... Ну хорошо, не твоего, не твоего... Нет, я не виню вас с Гавриком, вы, конечно, от всего сердца добра желали, я просто констатирую факт по прошествии времени... Опять мы ушли с тобой от главного...

Как от чего? От моей любви...

Да, женат. Ну и что?.. Естественно, отозвался, мы с ним переписываемся...

Ты знаешь, мне что-то расхотелось с тобой делиться. Ты звонишь по делу или просто так?..

Когда в столице буду, пока не знаю, шеф командировку отложил... Сын вот собирается... Я его отговариваю, но он у меня, сама знаешь, упрямый, настроился покорять столи-

цу... Ты за ним там посматривай, хоть он и большой вымахал, но ребенок...

Слушай, я уже совсем опаздываю... Целую, подруга. И Гаврика за меня чмокни. Пока, пока.

Кладет трубку и выходит.

Он

Все это время мужчина в своей комнате, обложенный книгами, что-то читал, делал пометки, записывал. От этого занятия его отвлекает телефон. Он медлит, потом все же снимает трубку.

– Да, родная... Уже так поздно?.. Заработался... Муза гостит... Она ведь приходит не тогда, когда хочешь, а когда снизойдет. Вот заглянула, я все дела в сторону и внимаю...

Ладно, не ревнуй. Подобная измена позволительна и ни капельки не обидна ни для кого... Нет, я не голоден... Чувствую себя замечательно. Ты знаешь, я все более убеждаюсь; когда человек чем-то увлечен, он здоровеет. И когда у него много желаний. Я думаю, женщины живут дольше мужчин потому, что у них изначально гораздо больше желаний. Одежда, украшения, дети, дом, путешествия... Это самый короткий список того, чего желает женщина. Кроме мужчины, естественно. Хотя вы не зациклены на мужчинах, как мужчины на женщинах.

А у мужчин всего два желания – женщины и хобби. Правда, иногда хобби – это тоже женщины. И когда они, то есть мы, перестаем ощущать в себе позы самца, никаких желаний больше не остается... И смысла жить тоже...

Нет, я не о себе, ты же знаешь, у меня желания не пропали...

Да, согласен, все болячки от безделья и от грехов. Но эта тема нам неинтересна, мы еще не в том возрасте...

Я вот недавно пришел к выводу, что поэзия – это отнюдь не пища эстетов, она имеет свое сугубо прагматичное предназначение. Она является тем самым реактивом или адсорбентом, который очищает словесную атмосферу, информационное поле, ноосферу... Нет, не фильтр, а именно реактив, который уничтожает скверну, выбрасываемую людьми в духовное поле. Помнишь, как в Библии: «Не то, что входит в уста оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Поэзия, только настоящая, не графомания, которой особенно много в интернете, – это противоядие пошлости, той, что сегодня правит бал... И я читаю поэзию молодых и начинаю верить... Они преодолеют это искушение падения...

Да, конечно, не по телефону. Это я по инерции, пока муза...

Да, скоро закончу... К ужину буду... Пока, родная...

Кладет трубку и тут же набирает номер.

– Привет... Прочитал твою статью в Сети... Да, да, получил истинное удовольствие. С первой строки все аргументированно, логично, интересно... Недостижимая планка для нынешних самозванцев, умеющих более-менее связно изложить на бумаге только то, что перед глазами...

Нет, я не утрирую. Я делаю выводы из ежедневного наблюдения за моими студентами...

Да, согласен, сегодня они уже начинают кое-что понимать, не сравнить, какие приходили и уходили неучами с дипломами лет пять назад. Сейчас уже многие понимают, что диплом без знаний может пригодиться разве что в чиновничьем кабинете. Вот по этой причине такая огромная очередь в эти самые кабинеты и выстроилась...

Да, я тоже не завидую государству, в котором подобные недоучки будут исполнять властные функции...

Нет, я не жалею власть, ты знаешь, я никогда с ней не дружил, а она меня не привечала ни прежде, ни сейчас...

Да, бездарная... Но каков народ, таков и правитель... Ты же знаешь, я принципиально против баррикад. Любая революция выносит наверх не лучших. Я думаю, революция – это не прогрессивное деяние, а инструмент реализации тщеславия, жадности, зависти... Это когда неприглядная изнанка становится лицом.

А в чем, по-твоему, роль личности?.. Это миф! С моей точки зрения, роль любой великой или, как нынче принято

говорить, харизматичной личности – это всего лишь функция дирижера, и не более того. Пьеса уже написана, рано или поздно оркестр и сам сыграет данную свыше музыку, дирижер лишь расставляет акценты... Да, это тоже имеет значение, но в принципе содержания не меняет...

Хорошо, не будем дискутировать. Я, собственно, звоню, чтобы сказать, что твоя статья очень пришлась. И к месту, и ко времени. Наверное, не я один позвонил... Вот видишь... Все-таки думающие в обществе еще остались... Да, надо бы встретиться, посидеть... Будет свободное время, звони...

Кладет трубку. И тут же раздается звонок.

– Слушаю... Хорошо, сделай скидку. Но не более двадцати процентов. Если фирма надежная – поставь оплату по факту.

Отодвигает телефон на край стола, кладет перед собой раскрытую толстую книгу, начинает читать, держа карандаш наготове.

Она

Во время его монолога она то заходила в комнату, то уходила, занятая своими делами. Теперь уже в домашнем халате, садится перед ноут-буком.

– Да, не буду скрывать, флиртовала пару раз... Ну, может

быть, три-четыре... Разве не имеет права молодая и симпатичная женщина позволить себе эмоциональную встряску?.. Тем более, после почти двухгодичного сидения дома, когда в твоём мире только муж, к которому ещё толком и привыкнуть не успела, ожидание ребенка и ребенок... Бессонные ночи, пеленки, изменившееся тело, с которым уже не рискнешь идти в горы... Два года заточения в четырех стенах, чередой однообразных забот – и вдруг новые лица, внимание, которым ты была обделена, потому что этого внимания требовали от тебя... Это то же самое, что выйти из тюрьмы...

В конце концов, безобидный роман – это восстановление, реабилитация чувств... Почему мужчины считают собственные измены неизбежным спутником семейной жизни, а женщинам в этом праве отказывают?..

К тому же флирт – это никакая не измена. Даже если и поцелует кто-нибудь пару раз или в порыве страсти залезет под юбку... Зачем мы это позволяем?.. Потому что женщине приятно, когда она желанна. Даже если мужчина ей не очень нравится... Женщина может многое позволить, но близости нежеланному никогда не разрешит. Рога женщина наставляет, если совсем перестает уважать мужа, а флиртует, если ревнует или добивается того, что ей хочется получить от мужа. Но ей нужно, чтобы муж сам догадался о ее желаниях. И, между прочим, умные мужчины об этом догадываются... Если действительно любят свою жену, а не себя и свои желания... Почему мы не торопимся своих любовников перево-

дить в ранг мужей?.. Все по той же причине. Пока он не узаконил свое право на сексуальную собственность, он желания женщины чувствует. А потом только свои.

Нет, ты не думай, что я грешна, поэтому оправдываюсь. Ничего у меня с коллегами не было. Кроме поцелуйчиков и обжиманий после корпоративных застолий. Но мой красавец все дулся и дулся, обиду лелеял. Вечно недовольный... Только сын и выручал. С работы заскочу в садик, расцелую моего краснощекого, он мне свои новости пролопочет, я ему – свои, даже самые сокровенные, все равно ведь не понимает, и не торопимся к его отцу. В хорошую погоду шли по городу гулять, в плохую заходили в кафе или магазин «Детский мир»... И даже в этом случае мой благоверный умудрялся ревновать, кричал, что я прикрываюсь ребенком... Ты знаешь, как противно слащав он был, когда расспрашивал сына, с каким дяденькой я встречалась. Мне в эти минуты так хотелось его ударить...

Нет, не хочу даже вспоминать...

Я лучше дальше полистаю страницы моей ненаписанной книги... Черная полоса ведь обязательно сменяется белой, как в той песне, из нашей юности... Про зебру... Помнишь?.. И я не помню. Нам с тобой нравилась тогда другая.

Уходит и возвращается с гитарой. Садится на кровать, настраивает и негромко поет.

– Призрачно все в этом мире бушующем.
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь.
Вечный покой сердце вряд ли обрадует,
Вечный покой для седых пирамид,
А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг, ослепительный миг...

Откладывает гитару, возвращается к ноут-буку.

– После того как развелись, он еще долго меня преследовал. То у конторы или подъезда поджидает, то возле садика... Сначала трезвый, а потом все чаще пьяный. Даже, представляешь, пытался изнасиловать в подъезде... Пришлось писать заявление в милицию, в партком... После этого надолго исчез, уезжал на Север.

А к нам новый заведующий лабораторией пришел. Старого на заслуженный отдых проводили. А Игорь, Игорь Иосифович... мужчина в самом соку, сорок пять лет, умница, интеллигент в третьем колене. Ни на тебя, ни на бывшего мужа совсем не похож. Не философ, не красавец, но обаятельный и внимательный. Естественно, женат, двое уже почти взрослых детей...

Ладно, не буду идеализировать, не красотой силен мужчина. Был он маленький, лысенький, деликатный до абсурда,

стеснительный, как мальчик. Жене своей за все совместно прожитые годы ни разу не изменил... Она у него единственная женщина и была. До меня.

Да, инициатива была моя.

Знаешь, Командир, порой женщине надоедает, когда ею командуют, хочется самой покомандовать...

Я его в кабинете соблазнила. И не скрою, сама тогда получила удовольствие. Наверное, от новизны ощущений...

Мой бывший, как правило, особо не мудрствовал, сам быстренько страсть свою удовлетворял и засыпал. Даже не интересовался, хорошо мне или нет. А тут полная противоположность: раздевает, а в глазах вопрос: хочу ли? Обнимает и интересуется, не больно ли... И все говорит, говорит, какая я красивая во всех местах и умная. Умная, естественно, только в одном месте... Как он меня любит, как без меня жить не может...

Берет гитару, напевает.

– Есть только миг
между прошлым и будущим.
И этот миг
Называется жизнь...

Откладывает гитару.

— Мы с ним так, душа в душу, пять лет прожили. Сначала по вторникам и пятницам, потом совсем ко мне переехал, на развод подал. Только все налаживаться стало, сын с ним подружился, мой бывший успокоился, с Севера жену себе привез, а он возьми да и скончайся в одночасье... Можно сказать, на моих руках. В райком партии вызвали, пришел расстроенный, все валидол сосал... Не помогло. До больницы не доезжали...

Вот так моя светлая полоса и закончилась...

Вспомнилось, взгрустнулось...

Ты знаешь, Командир, он меня научил уважать не только мужчин, но и себя. Если быть честной до конца, то после развода я почти стала мужененавистницей. Если бы не Игорь Иосифович, сейчас бы ярой феминисткой была. В первых рядах нашего отечественного, а то и мирового, бабьего сумасшествия... Хотя нет, не была бы, я категорически против однополых браков. Вот таких извращений не понимаю... Ну, нет у тебя мужичка, некрасивая ты, уродина даже, так найди какого-нибудь завалящего, их нынче пруд пруди, за бутылку на все согласны. А деньги есть, так любого отборного самца найти не проблема, найди и оплодотворишься... И свою бабью функцию исполнишь, будет у тебя забота до конца жизни... Можно, конечно, и искусственно осемениться, но лучше все же от живого мужичка... Так естественнее...

Сейчас среди молодежи в ходу прозвище: «ботаник». Не слыхал?.. Я от моего сына в свое время услышала. Оказы-

вается, нынче признавать естественные отношения между мужчиной и женщиной это значит быть «ботаником», или натуралом. И это не модно... Представляешь, как обрабатывается сегодня молодежь, чтобы утратить способность любить?.. Хорошо, сын у меня стопроцентный мужик, а вот у одной знакомой сын, моему ровесник, в платья мамины переодевался, на каблуках учился ходить. Пока маленький был, смеялись. А вырос, геем стал. А он у них единственный. Продолжатель рода, фамилии. Мать и отец в трансе. Не выдержали общественного давления, уехали куда-то все трое...

Ладно, не хочу больше о грустном.

Пока, Командир.

Он

– В языческой юности я идеализировал женщин. Это диктовал сублимационный возраст, половое влечение. Но не только оно. Все же мы, мужчины и женщины, разные хомо сапиенс, в этом я, уже находясь в зрелом возрасте, не сомневаюсь. Вероятнее всего, мы антиподы, плюс и минус, если исходить из теории полярности всего сущего. Для нас вечная и нераскрытая тайна – женская душа, для вас – мужская. И вот это неведомое и отличное от собственного «я» и тянет нас друг к другу...

Нет, пожалуй, я не прав, юность не языческая... В юности мы все близки к Богу, как никогда. Ближе, чем даже в пору рассудочного понимания его реальности. Это период,

когда мы неудержимо творим энергию любви, единственное, что Ему нужно от нас. Любовь в эти годы столь сильна, что ее хватает на все вокруг: на мир, созданный Им, на себя и себе подобных. И даже на не очень похожих. И совсем не похожих... А Он взамен дарит нам неосознанное понимание нашего бессмертия... Которое мы потом размениваем на рассудочные измышления, лжеоткрытия и раздувание собственного тщеславия...

Впрочем, я отвлекся...

Вернемся к роли женщины в нашем подлунном мире. Мое преклонение перед ней все еще в силе лишь по одной-единственной причине. Потому что любая женщина для кого-то является матерью... Не мужчина зачал, но женщина родила Иисуса, Богочеловека...

Но порой рожденный ею склонен унижать и даже ненавидеть сосуд, в котором обретал нынешние очертания... В юности мне как-то не пришлось Шопенгауэр, а тут недавно наткнулся на книжечку, рассчитанную, как я понимаю, на любознательную молодежь. Там есть такие строки.

Он читает из книги, а на экране возникает прочитанный текст.

— ...коренным недостатком женского характера является несправедливость. Она проистекает ближайшим образом от указанного выше недостатка в разумности и сообразительно-

сти, но к тому же поддерживается еще тем обстоятельством, что они, как слабейшие существа, одарены от природы не силою, а хитростью: отсюда их инстинктивное лукавство и непреодолимая склонность ко лжи... Поэтому притворство в ней есть врожденное качество и свойственно почти в той же мере как умной, так и глупой женщине...»

Нет, Шопенгауэра после прочитанного я не зауважал и согласиться с этим выводом не могу, но «склонность ко лжи» у современных женщин, мне кажется, в какой-то мере присутствует. Особенно это заметно в нынешнем обществе, когда рекомендации, как обмануть окружающих посредством пластических операций и прочих достижений косметики, мы видим и слышим ежедневно. Но, поверь мне, мужчине совсем не хочется знать обратной стороны женской красоты или очарования, и раскрывая ему всю подноготную этой науки оболыщания, творцы подобных телесюжетов формируют не восторг созерцания и уважения, а неверие, неискренность в отношениях, желание выяснить еще вечером, что он увидит рядом с собой утром... Сама того не желая, приукрашивая и изменяя себя, женщина стимулирует потребительское к себе отношение. Такое же, как к любому товару, вещи, от которой при ненужности или же когда надоест можно легко избавиться. Вот отчего общество потребления, я в этом убежден, не освобождает женщину от мужчины, не добавляет ей независимости, а делает ее рабыней. И интуитивно понимая это, не получая от мужчины желаемого вни-

мания и обожания, она предпочитает общаться в кругу себе подобных, где макияжное равенство создает иллюзию самодовольного благополучия. Отсюда, кстати, и подпитывается феминистская философия самодостаточности существования в границах одного пола.

Впрочем, хочу привести еще одну цитату того же Шопенгауэра.

«Так как женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение, то они постоянно и живут более в роде, чем в индивидуумах, и дело рода принимают серьезнее к сердцу, чем индивидуальные. Это придает всему их существу и поступкам известное легкомыслие и вообще в корне отличное от мужчины направление, которое и обуславливает столь частый и почти нормальный разлад в браках»

Примечательное положение, но вот вывод несколько неожиданен. Я более склонен думать, что назначение жить делами рода свидетельствует о способности женщины исполнять социумное предназначение. К тому же подобная склонность свидетельствует о предпочтении женщинами монархического или единоличного правления, будь то род или страна. И, может быть, мы находимся в начале того процесса, когда именно женщины заменят мужчин в управлении государствами. Пока это единичные примеры, но они уже есть.

Впрочем, можно согласиться и с выводом Шопенгауэра. Действительно, когда расхождение в устремлениях столь ве-

лики, как сегодня, когда мужчина озабочен карьерой, богатством и развлечениями более, чем сооружением семейного очага, а женщина все же тяготеет к созданию семьи, укреплению родственных связей и даже в какой-то мере самоизоляции рода от опасностей общества, браки распадаются в пугающих размерах. И именно сегодня мы это хорошо видим в нашем обществе...

Она

– Ты хочешь, чтобы я обозвала этого женоненавистника болваном, ничего не понимающим в женской душе?.. Господи, отчего все мужчины так похожи на павлинов!? Командир, я тебя в виду не имею... И Шопенгауэра твоего обзывать не стану, пусть продолжает смущать умы других... А вот с тобой соглашусь, ты ведь всегда был умнее меня... Действительно, в юности мы все хотим и умеем любить. Но и не только в юности. Во всяком случае, мы, женщины, служим любви всю жизнь. Любовь – это суть женщины. Нам обязательно нужно, чтобы любили нас и мы кого-то любили. Родителей, мужчину, ребенка, собачку, кошечку, птичку... И, если уж любить не получается, то можно жалеть... Я долго своего бывшего жалела... И на работе его не ценят, и ничего по дому не умеет, яичница, и та у него обязательно пригорала... Жалела до последнего. А когда осталась вдвоем с сыном, поняла, что напрасно... А была я по ночам, когда не стало Игоря Иосифовича... Знаешь, как воют одинокие ба-

бы?.. Наверное, я бы вышла и когда ты ушел, но я тогда еще не умела этого делать...

Ты только сегодняшних женщин, особенно молодых, не вини. Не они ведь себя в товар превратили, общество из них этот товар вылепило... Общество, в котором правят именно мужчины...

Дурак этот философ, ему не дано было понять женщину. Не было бы у меня о ком заботиться, может и отправилась следом за Игорем Иосифовичем... Хотя нет, не стану лукавить, хоть и любила его сильно, но я все-таки виталистка. «Ботаник» я, все естественное вокруг люблю, жизнь люблю... Да тут еще время перемен наступило...

Как ты пережил его?..

Лабораторию нашу прикрыли, нас всех, включая гениев, вышвырнули на улицу. Без денег, но с ваучерами. Помнишь этот глобальный обман всякими... Вот уж, действительно, хитрыми да лживыми... даже мужиками их называть не хочется... Лысыми, рыжими, сладкоречивыми прохиндеями... Думаю, неподъемный на них груз проклятий наших лежит. Аукнется он рано или поздно, если не на них самих, то на детях, внуках...

И пошла я, кандидат наук и женщина в полном расцвете сил, между прочим, тогда по всяческим кооперативам посуду да полы мыть... Через одного эти новые хозяева жизни предлагали на содержание перейти. И среди них были не только воры социалистической собственности, легализовав-

шие наворованное, да бывшие уголовники, общак наработывающие, были и отборные экземпляры умных и умеющих дело делать, вполне приличные. Но подруга правильно диагноз поставила: у меня к ним врожденная классовая ненависть. Так что немало мест поменяла, кое-кого чем под руку попадало приводить в чувство пришлось. А сын подрос. Жить надо было, зарабатывать. В «челноки» подалась.

Не пришлось тебе эту профессию осваивать?.. Догадываюсь, что нет... А я, между прочим, могла бы докторскую написать. Причем на любое звание: экономических, юридических, философских, психологических наук... Это, Командир, отдельная песня моей жизни... И чего только в ней не было... Хотя одного точно не было – ни под кого я не ложилась. Надрывалась, материлась, курить научилась, пить не только шампанское, мерзла, перегревалась, в мегеру превращалась, в бабу-ягу... Когда очнулась через пару лет, скопив кое-что, разглядела себя в зеркале, не поверила, что кандидат наук, что когда-то платья да юбки носила, в театры, на концерты ходила... И вдруг поняла, что еще немного и доживу до амнезии, совсем забуду свое прошлое, продолжу изучать мир по барахлу, которое человечество научилось производить себе в тягость. Но главное, сына потеряю. А он уже у меня парнем стал, оценки безжалостно всем взрослым, и прежде всего родне, выставял. Бабушка с дедом, на которых я его оставляла, уже для него не авторитет. Да и старенькие стали, куда с оболтусом под потолок ростом спра-

виться... Ну, а мать-челночница, с которой покурить можно да стопарь на равных опрокинуть, тем более не авторитет. И никаким примером для подражания быть не может. Ни как личность, ни как женщина... А отец вроде и рядом, в одном городе проживает, только он и в лучшие времена сыном не интересовался, а теперь сам с трудом выживает, волчье время наступило...

Я тогда за все годы челночества, и даже вперед, все слезы, какие отпущены были, выплакала. Поэтому сейчас только смеюсь...

Долго мы с ним чужими были, пока не вспомнила я себя прошлую. Помогло, что нефтяники продавать страну начали. Компьютеризация грянула, специалисты понадобились. Кое-кто из моих бывших коллег быстро сориентировался. И обо мне вспомнили. Пришлось идеологию подальше запрягать, да и податься прислуживать олигархам-космополитам без роду-племени...

Но это уже, как принято нынче говорить, совсем другая история...

Он

– Я думаю, что нам повезло.

Не будь этого самого времени перемен, о чем было бы вспоминать в конце жизни?..

О том, что исправно служили партии, ведущей страну невесть куда?..

Делились бы опытом рабского послушания с подрастающими поколениями?

Или же исходили желчью по поводу нереализованных желаний и не востребованных талантов?..

Впрочем, скорее всего, такой спокойной старости, с задачей воспоминаний, у нас не было бы, потому что экономика гигантской страны в восьмидесятые уже дышала на ладан. Ты ведь не забыла пустые магазины и тотальный дефицит на все, что необходимо человеку?

Я более склонен верить тем, кто предрекал полное раздробление не только огромной империи, но и России, и жестокую драку за ту же жратву на ее территории... И, может, на это как раз и надеялись те, кто заботился о будущем золотого миллиарда, кому просторы России виделись всего лишь огромной кладовой с немногочисленным обслуживающим персоналом...

Но я не сторонник клевать падший социализм, как и не склонен петь панегирики обществу массового жевания, в котором мы сегодня очутились. На мой взгляд, нам нужно вернуться и взять ту культуру и человеческие отношения, которые были в Советском Союзе, и к ним добавить то материальное изобилие, на которое мы в свое время, польстившись, их разменяли.

Но изобилие без всяких излишеств.

И без обожествления денег.

Без деградации, которая сопутствует этому миру покло-

нения вещам... Идеология бездумных прожигателей жизни или тщеславных денежных ослов нам не нужна.

Ты права, тем, кто нынче кичится наворованными богатствами и уповает на недостигаемость, отзовутся проклятия народа. Они, ослепленные тщеславием, не понимают, какой крест несут здесь и понесут там... Но, я догадываюсь, ты все равно не склонна их жалеть. И тебе все равно, что будет с ними или их потомками в будущем, ты хочешь справедливости сейчас. Я бы тоже хотел, чтобы опять страна стала культурной, читающей, думающей, здоровой, а не бравирующей набором матерных слов и накачивающейся пивом. К сожалению, из одной крайности мы бросились в другую. При социализме мы были зашоренные рабы идеологии, нынче – обескультуренные рабы вещей и развлечений...

Я тоже не люблю олигархов и тех, кто сегодня спрятался за охрану и стены особняков, полагая, что тем самым спасут себя. И никто, кроме них, не оспаривает тот факт, что они украли у народа его собственность. Тем более, что эти скоропелые миллионеры уже продемонстрировали свою бездарность, свою способность создавать видимость умения управлять делом. И я их тоже ненавижу. Но не столько за воровство, воры всегда были, сколько за многолетний пример для подражания. В сочетании с купленной властью...

У нас в городе долгое время правил мэр-вор. Довольно молодой, но быстро научившийся добиваться власти и отхватывать от общего бюджетного пирога. И главная беда не в

том, что он отщипывал из наших карманов, беда в том, что за годы правления он собрал вокруг себя способных учеников, сумел закрепить в народе неверие в законы, власть, справедливость и разнес по городу вирус лицемерия и позвольтельного безнаказанного наглого воровства. Потом он кинулся в бега, спрятался где-то за границей, кажется, его там поймали, но мало кто верит, что его привезут в город на публичную казнь. Больше в то, что где-то в непрозрачных коридорах столицы оберут как липку похожие на него и, если он владеет опасной для них информацией, нейтрализуют, как принято нынче выражаться, а если нет, пристроят по специальности, но уже в роли чьего-либо раба...

И, тем не менее, не могу с тобой согласиться, что тебя и тех, кто когда-то, начав с кооперативного кафе или цеха, собственной газеты или киоска, а сегодня имеет собственное, созданное действительно талантом, трудом и потом дело, разделяет классовая ненависть, через которую не перешагнуть. Согласись, в революционные годы перемен немало было и тех, кто благодаря именно падению партийного диктата начал реализовывать давно выношенные собственные идеи, которые социализмом, увы, не были востребованы. Был все-таки период настоящей свободы, ничем и никем не ограниченного творчества, возможности реализовать себя! Вдруг оказалось, что помимо магистральной идеи построения коммунизма в постоянно отдаляющемся будущем у каждого, а если не у каждого, то у многих, есть своя за-

ветная идея. У кого-то – вкусно кормить людей. У кого-то – шить хорошие костюмы. У кого-то – внедрить свои изобретения. У кого-то – выпускать газеты и книги... Другое дело, что очень скоро это многообразие целей и желаний подменилось одной – единственной целью, на смену идее коммунизма для всех граждан отдельно взятой страны, пришла идея материального богатства для отдельно взятого человека.

По сути та же самая идея рая на земле, только выхолощенная до абсурда...

Да, сегодня очевидно, большинству выстроенное нынче не нравится. Но и возврата к старому нет. Нам предстоит взять лучшее из прошлого и настоящего. И скрепить все это любовью. И здесь первые роли – женщинам...

...Кстати, о Шопенгауэре. Похоже, наши телепродюсеры прошли выучку у верных последователей этого философа, признающего зло категорией позитивной, ибо неукоснительно и с особым рвением воплощают его положение о том, что «самое действенное утешение в каждом несчастье и во всяком страдании заключается в созерцании людей, которые еще несчастнее, чем мы...»

К счастью, я не отношусь к его приверженцам и стараюсь не смотреть телевизор и радоваться жизни, какой бы она ни казалась...

Она

С этой картины действие вновь происходит поочередно

на разных половинах сцены.

...На полу комнаты – раскрытый чемодан. Она стремительно перемещается по комнатам, заполняя этот чемодан и одновременно разговаривая по телефону.

– Да, не говори, вот так, с бухты-барахты... Вызвал, срочно лети, дорогуша, ты незаменимый человек... Используй свое обаяние и недюжинный интеллект...

Ну, хорошо, недюжинный он не говорил, это и так понятно...

Я ношусь здесь как угорелая, через два часа самолет, а ты меня по всяким пустякам отвлекаешь. Я звоню исключительно предупредить, чтобы вы не скрылись куда-нибудь...

Гаврик не работает? Что, сократили?.. А... временно, фирма прикрылась... Ну и что же в другую не пошел, он у тебя такой специалист... Ну да, терять бонус никто не хочет, тем более такой... А что Командир?.. У него все в порядке... Да я не спрашивала, чем он занимается, мне это за чем... Ладно, подруга, скоро поговорим обстоятельно... До встречи.

Тут же набирает номер.

– Сынок, привет. Слушай и не перебивай. Я сейчас улетаю в столицу, в командировку, недели на две. Тетя Оля уже ждет. Если ты за это время закончишь свои дела, я тебя там

встречу. С Ольгой все обговорю...

Я понимаю, что ты не хочешь жить у нее, но на гостинице разоришься... И, между прочим, Гаврик у нее остался без работы, фирма прикрылась, а ты знаешь, какой он специалист... Нет, пока не ищет, в отпуске без содержания на неопределенное время... А что, ты к нему хотел?.. Ну, откуда я могла знать, ты ведь теперь с матерью своими секретами не делишься!.. Наташка еще не беременна?.. Разбежались?..

Перестает укладывать чемодан, продолжает, с трудом сдерживая обиду.

– За что ты меня так наказываешь?.. Как?.. Тебе уже тридцать, а мне за пятьдесят, я уже с маленькими нянчиться хочу. Ты знаешь, что бабушки с внуками переживают свою молодость?.. Ну да, откуда тебе знать. А я могу вовсе не узнать по твоей вине... От Ирины ты сбежал через полгода, а она мне, между прочим, нравилась. Со своей второй сожительницей даже не познакомил... А с Наташей все же два года прожили...

Повышая голос.

– Я не даю и от первой встречной мне внука не надо, я с невесткой дружить хочу... Ну, все настроение испортил...

Садится на кровать, продолжает просительно.

– Ты без меня тут заходи хоть через день. Мало ли, до-
мушник приглядит или кран какой пробьет, придется за вся-
кие евроремонты платить... не знаешь, что хуже... И я те-
бе обязательно позвоню, может не стоит пока и ехать... Уво-
лился уже?.. А что, обратно не возьмут?.. Ну конечно, ты
гордый... Действительно, чего уж теперь кулаками махать...
Хорошо. Пока.

Кладет трубку. Открывает ноут-бук, медлит, потом опять
закрывает.

– А вот и не стану ничего сообщать. Посмотрим, Коман-
дир, на твою реакцию...

Он

*Мужчина наводит порядок на столе, раскладывая книги,
папки, бумаги аккуратными стопочками. Пододвигает кла-
виатуру, но ничего не набирает. Звонит телефон. Снимает
трубку.*

– Привет, привет... Да нет, не суечусь, наоборот, неспеш-
но собираюсь в командировку... В столицу, как всегда...
Нет, не очень, за пару недель, думаю, справлюсь. Слушаю
тебя... Да, получил... Нет, ты знаешь, подписывать это я не
стану... Почему?.. Мы как-то уже на эту тему с тобой гово-

рили...

Да, можно сказать, мы вышли с тобой из одной шинели, в застойные годы одинаково мечтали о свободе, в девяностые были по одну сторону баррикад. И даже активно участвовали в смене строя. Не скрывал и никогда не буду скрывать, в то время я совершенно искренне пьянел от свободы, безумно желал демократии, как заждавшийся ласки мужик может желать сводящую с ума женщину. И в конечном итоге она, эта вожаденная заграница, с ее кажущимся счастливым обществом, действительно многих свела с ума... Не обижайся, но и тебя тоже. Поэтому, несмотря на наше общее прошлое, не все, что ты пишешь, совпадает с моим пониманием сегодняшнего дня, и не все, что делаешь, я хочу поддерживать... Большая часть жизни у нас позади, делать новые ошибки нет времени, хватило бы его, чтобы исправить старые...

Да, не спорю, культ, застой и все, что с ними связано, было, но это вполне закономерное движение от единоначалия к тирании, а от тирании, как одной крайности, к коллективной безответственности, как другой. Как столь же естественно движение от нынешней импортированной демократии, которая по незнанию в годы застоя казалась нам золотым ключиком от тайной двери в страну счастья, к распаду страны и, в конечном итоге, хаосу... А хаос, в свою очередь, приведет к новому единоначалию, которое, опять же закономерно, закончится тиранией... Нет, это не я, это придумал Макиавелли... И хаос неизбежен. Если, конечно, мы не вернемся

к Богу... Или не построим нечто вроде христианского социализма. Поэтому я против копирования чужого опыта...

Да, вот такие мысли меня посещают последнее время. Не хочется больше с ветряными мельницами воевать. Хотя от руководящей и направляющей роли коммунистической партии я пострадал не меньше твоего, ты это знаешь. Я и сейчас готов повторить, что коммунисты наше поколение, да и не только наше, обокрали, не дав возможность в самые активные годы узнавать то, что знал остальной мир... Но обвинять их теперь, по прошествии времени, во всех грехах я не хочу...

Да, сегодня я больше державник, чем демократ. Мне не нужна общая похлебка глобализации, даже если это неизбежное будущее, и, насколько могу, я буду от нее отмахиваться. И свобода вседозволенности и неуважения, нелюбви к себе подобному не нужны. И демократия, которая стимулирует эгоизм, лицемерие, обман, деградацию, безнравственность и бездуховность – это не та демократия, к которой когда-то я так стремился...

Действительно, не будем дискутировать, слава Богу, во всем остальном мы понимаем друг друга. И я весьма демократично не отговариваю тебя от задуманной акции. Хотя не согласен, что гомосексуалистов надо уважать и разрешить им пропагандировать свой образ жизни. На мой взгляд, это даже не абсурд, который я не могу постичь, это грех, которого надо стыдиться, замаливать, а не кичиться им. Я, как

просветила меня одна знакомая, по нынешним меркам «ботаник», натурал. И мимикрировать не собираюсь...

Довольно долго слушает монолог собеседника.

– Ну, не обижайся, я тебя в виду и не имел. Понимаю, политика изначально безнравственное дело, а это твой электорат, причем активный, который к тому же имеет тенденцию к увеличению... Впрочем, как раз изначально, от Творца, политика, как наука управления людьми, обществом, как раз была нравственнее всего остального. Но человек оказался более слаб перед искушениями, чем, наверное, мыслилось и Ему, и часто идет не по той дороге...

Да, не будем... Как твои домашние?..

Внуков добавилось?..

Это замечательно. Ну, вот видишь, твои дочери, как и положено им по Божьему промыслу, рожают будущих граждан...

Это же прекрасно, что их политика совсем не интересует. Пусть наслаждаются собственной жизнью, это гораздо интереснее, чем пытаться учить жить других... Вот это, на мой взгляд, и есть истинная демократия...

И тебе осуществления желаний...

Кладет трубку.

Некоторое время задумчиво сидит, глядя перед собой,

словно оценивая только что услышанное, потом выключает компьютер, бросает в портфель пару папок со стола, оглядывает кабинет и выходит.

Она

Женщина входит в комнату, ставит у двери чемодан, садится за туалетный столик. Отодвинув в сторону ноут-бук, смотрится в зеркало.

– Вот мы и дома... Что ни говори, а хоть в гостях и хорошо, без забот, дома все равно лучше... Надо бы позвонить... Нет, прежде умыться, придти в себя...

Открывает чемодан, достает оттуда яркий домашний халат, подумав, бросает его обратно, выходит и возвращается в махровом купальном халате.

Набирает номер.

– Я уже дома... Да, долетели по расписанию. У вас все в порядке?.. Гаврик на меня не обижается?.. Ну и правильно... Ты там с моим наследником постройнее, поняла, какой ветер у него в голове гуляет?.. Ладно тебе, москвичку... Да еще с квартирой и приличную... Не фантазируй! Таких всех, даже самых неказистых, еще в детском садике свои же разбирают... В вашей Москве на виду нынче все приезжие да ушлые... Кто, кто?.. Наша подруга, боевая провинциалка. Вот

какая-нибудь залетная из тьму-таракани за столичного по-считает и поймает на бабье счастье... Да, мы с тобой этого не делали, потому что мы с тобой, подруга моя дорогая, при другом строе воспитывались... Мы с тобой верили, что с милым для счастья и шалашика хватит. И за ним можно хоть на край света топать... Ты что, забыла?..

А что, вот вы с Гавриком пошли на край света, рискнули Первопрестольную освоить, сколько лет-то по чужим углам мыкались, а теперь шалашик у вас вполне приличный... Я вот тоже побежала бы за Командиром в любую сторону... А нынешним сразу все подавай. Можно и без любви...

Ладно, завязываем... Это я расслабилась оттого, что никто не встретил. Раньше хоть сын радовал... Ты его там, смотри, не разбалуй... А Гаврик пусть не обижается, когда его фирма вновь заработает – неизвестно, у него хоть бонус впереди маячит, а у моего малыша ничего. Пусть устраивается куда-нибудь, не бездельничает... Все, подруга, целую. Если что, звони.

Кладет трубку. Включает ноут-бук. Пока тот загружается, внимательно разглядывает свое лицо в зеркале. Щелкает мышью.

– Ах, Командир, Командир... Не любишь ты меня. Ни словечка... Вот возьму и обижусь... Только чего обижаться? У тебя – своя жизнь, у меня – своя. Вместе мы были

один миг, порознь – жизнь... Я не гордая, напишу... Вон как по столичным кабинетам расстилалась, про годы забыла, обаянием очаровывала... Хорошо, мужчинки пошли сегодня преимущественно импотентные да замотанные, только и способны комплименты выслушивать да деньги брать... Это же надо, до чего дожили, баба мужикам комплименты раздает... Господи, и откуда столько альфонсов развелось! Бабы пашут, а они кое-чем машут... Вопрос, конечно, риторический, наша же сестра их и плодит... Нет, не буквально. Мамы плодят, как правило, хорошеньких маленьких мальчиков, а противными мужчинками их делают всякие там бизнес-бабы. Они ведь тоже всю энергию тратят на невесть что, все на деньги меряют. Им некогда по-настоящему ни полюбить, ни суженого поискать, а за деньги хоть с ряженым, с куклой живой поиграть... Как подумаю, что могла такой же бизнесменшей стать, страшно становится...

Ладно, это их крест, может и за меня его тащат.

Чем же мне моего Командира порадовать?

Начинает набирать, и на экране появляется текст.

– Привет, Командир. Опять ты куда-то пропал. А может и заходил, но меня дома не было. Вот только вернулась из столицы. Устала... Что-то все меньше ездить туда хочется. Помнишь фильм нашей юности «Я шагаю по Москве»?.. Это уже для нынешнего поколения вымысел, как для нас штурм

Зимнего в семнадцатом. Они убеждены, что его в декорациях снимали, Москвы такой не было, да и отношений тоже. А как поверишь, если Москва сегодня – это стада машин, людской муравейник, бесстыдство рекламы и алчность везде – на улицах, в каждом здании, кабинете... И живут они, бедные, словно роботы, ничего больше не видя, кроме офиса и собственной норы. И снуют туда-сюда, туда-сюда... От отпуска до отпуска... Какие тут могут быть отношения?.. Вот сын туда поехал, мол, перспективы, в провинции профессионально не вырастешь, денег не заработаешь. Я ему говорю, как бы в погоне за деньгами и карьерой главное не пропустил... А он не понимает... А я ведь не дура и до маразма еще не дожила, стараюсь их, детей наших, молодежь нынешнюю, понять. Внушаю себе, мол, сами в их годы такими же были. И одевались не так, как родителям хотелось, и музыку не ту слушали, взрослых, само собой, не слушались... Пытаюсь и не могу... У нас с родителями все же похожие были ценности. Мама считала, что дочь не может себе позволить до свадьбы жить с парнем, и я с ней соглашалась. А теперь вокруг сплошь гражданские браки... Прямо пандемия... Нам твердили, что главное – не деньги зарабатывать и развлекаться, а делать что-то нужное, полезное людям. И мы в это верили и действительно для других жили... Радовались успехам других... А теперь все только о деньгах и думают. И завидуют друг другу...

Останавливается, некоторое время смотрит на себя в зеркало, потом продолжает.

– Это я такая вредная, потому что с дороги. Смена часовых поясов, обстановки, климата... Но имей в виду, такой занудой я бываю очень и очень редко. А так я всегда веселая и ласковая... Гаврик (это муж подруги, не забыл, а то подумаешь невесть что) говорит, что я расточительно щедра на бесплатный оптимизм... Может, поэтому Томазик и не может меня забыть... Кто это такой? Потом как-нибудь расскажу...

Все, иду бай-бай...

На новом месте приснится жених невесте...

А тебе, Командир, что снится?

Он

Все это время комната и кабинет без хозяев пустовали, но теперь вновь мы видим одновременно и мужчину и женщину. Женщина занята домашними хлопотами.

На другой половине сцены появляется мужчина. По его поведению видно, что он давно не был здесь. Обходит вокруг стола, садится, привыкая, перекладывает книги и папки. Пододвигает клавиатуру. Потом читает сообщение.

Звонит телефон.

– Слушаю... Привет... Спасибо, неплохо... Ты же знаешь

Москву, планируешь одно, а получаешь другое... Нет, московский чиновник лучше не становится. Только запросы растут пропорционально инфляции... Ну, что касается самомнения нашей власти, то оно уже необъятно...

Вот тут я с тобой соглашусь, сам все больше прихожу к выводу, что сегодня чиновник, как прежде партийный функционер, считает себя самым умным и всезнающим. Посвященным в нечто неведомое простому, да и непростому, народу. Оттого никаких идей со стороны и не приемлет. Причем даже не задумываясь, органически, вот что страшно. Если бы хоть желание было вникнуть, подумать, обсудить...

Нет, это не снобизм, это гораздо хуже...

Да, вернулся я больше пессимистом, чем оптимистом, ты прав... Нет, свои вопросы я решил. За будущее страны страшно стало... И поверишь, в этих кабинетах дышать трудно, я физически это почувствовал. Выскочу на улицу, воздух глотаю, глотаю, чтобы в себя прийти... У них в этих кабинетах атмосфера другая, мир другой... Параллельный. Мы никогда не поймем друг друга.

Я бы не ездил, не ходил, но сегодня, как и прежде, все на Москве завязано, ты же знаешь. Все монополисты, как и раньше, там сидят. Все кубышки с деньгами если не за границей, то там... Знаешь, я пришел к выводу, что самые свободные, по-настоящему демократичные годы – это начало девяностых. Пока вверху драка за власть шла, народ мог инициативу проявить... Сколько тогда интересных идей было,

желания воплотить их, энтузиазма... А ведь мало кто сумел реализоваться в новой стране. Прежде одна система давила, теперь другая. Прежде власть боялась народа и теперь боится. Прежде, свое получив, насытившись, тормозила развитие и теперь тоже. Прав Макиавелли, каждый новый правитель хуже предыдущего...

Нет, не сожалею. Ты же знаешь, я считаю, что все идет по не нами написанному сценарию и во всем прежде всего ценен опыт прожитого. А что касается каждого человека, то Господь каждого любит и ведет его к лучшему, вот только нам, в силу своей невозможности знать будущее, кажется, что это не так. Но по прошествии времени приходит понимание...

Да, не телефонный разговор, надо бы встретиться, пообщаться неспешно...

Хорошо, давай созвонимся. Я теперь долго никуда выезжать не планирую.

Кладет трубку, вновь читает текст. Начинает набивать.

– Привет. Оказывается, мы оба отсутствовали в разных местах и одновременно присутствовали в одном месте. Совпали место, время, но не обстоятельства, поэтому встретиться не довелось. Хотя порой случается и совпадение всех трех координат... И это порождает действие...

Когда-то я очень любил Москву. Питер мне не приглянулся. Может, из-за того, что своим белым ночам, как и долгим полярным, я наудивлялся, когда жил на Таймыре, а туманы и слякоть не люблю. Хотя питерцы, несомненно, интереснее и культурнее москвичей. В России – двуглавый орел в гербе, два начала года, Новый и Старый, две столицы... Одна – бежит, торопится в завтра, другая никак не хочет уходить из вчера...

Впрочем, коренных москвичей мы, по сути, и не видим... Москва и раньше была Меккой для тщеславных провинциалов, а сегодня уж и вовсе... И оседают в ней, надо признать, сильные, умные, наглые, тщеславные, способные отодвинуть столичных снобов, прорваться сквозь редуты родства и связей... Так что столица сегодня – это толстый слой взбитых амбиций провинции, наложенный на почти такой же толщины пласт местечковых традиций...

Так, во всяком случае, я ее ощущаю...

Я любил Москву восьмидесятых. У меня был знакомый, москвич в невесть каком поколении, он показал мне Москву, которую я не знал. Мы до рассвета бродили по центру, там, где тогда было полно старых домов, тихих дворики, еще жил мещанский уют, по пути заходили в напоминающие ему юность забегаловки, пили пиво, заворачивали в только ему ведомые кустики или закоулки, я тогда впервые и единожды ощутил возвратность времени: надо же, ведь сто, две, три, пятьсот лет назад вот здесь так же колобродили такие,

как мы, жили, думали...

Москва хороша своей энергетикой. Я всегда уставал и устаю от нее физически, особенно от постоянного шума, но эмоционально заряжаюсь.

Провинция в России, за исключением мегаполисов, и то не всех, – это неспешно-мудрый Восток, а столица – амбициозно-энергичный Запад. Сегодня это очевидно как никогда. Европейский образ жизни – это следствие замкнутости в пространстве и тесноты, отторжения человека от природы, звездного неба, Бога, вечности... Человек здесь рождается в бетонных стенах и умирает в них же, лишь изредка выезжая на свидания к огромному миру... Восток и Россия – это необъятные пространства, которые не позволяют человеку глупо возгордиться, вообразить, что он всемогущ, ибо все, что он создает, без исключения, не идет ни в какое сравнение с уже созданным Богом. И мегаполисы – это всего лишь муравьиные кучи в огромном и многообразном мире...

Мегаполис – это цивилизация самоуничтожения, вымирания, деградации. В этой цивилизации не может родиться мыслитель, философ, творец. В ней предначертано функционировать исключительно производителю и потребителю. Здесь человек не способен прожить один, он становится слаб и зависим от других. В чистом поле он и дом построит, и воду и еду найдет, и город заложит. Даже в одиночестве. В этой же цивилизации его умение творить, выживать атрофируется.

Здесь замечательно усваивается и реализуется придуман-

ное другими, но не возникает собственных идей.

Здесь оттачивается мастерство обмана, урывания, оттачивания, мастерство присвоения чужого.

Коренное население мегаполисов постепенно превращается в некую аморфную массу, служащую лишь благодатной основой для новой агрессивной поросли тщеславных варягов, еще не забывших, не растративших энергию просторов и звезд... Вернись сегодня все провинциалы, заселившие столицы или мегаполисы, обратно, и ты увидишь, как быстро те придут в упадок...

Она

– Командир, ты стал еще умнее. Я вновь почувствовала себя глупенькой первокурсницей, хотя и кандидат наук да еще заместитель директора секретного центра... Правда, у меня техническое образование, но ведь и ты не гуманитарий... Или за эти годы ты еще что-то закончил?.. Нет, я должна окончательно разочаровать всех феминисток мира, мужики умнее нас. Это бесспорно... Если, конечно, они похожи на тебя...

Вот видишь, и тебе раздаю комплименты, все еще говорится инерция столичной суеты... Но тебе – совершенно искренне и заслуженно...

Признаться, мне никогда и в голову не приходило так взглянуть на столицу и мегаполисы. Хотя собственный опыт заставляет с тобой согласиться: припомнила всех талантлив-

вых и энергичных, кого знала, и все они выходцы из провинции. Все Ломоносовы... И это относится не только к столицам. У нас хоть город и не очень большой, но потолок таких, как я, коренных, – разве что докторская диссертация да руководящее кресло. Усваивать знания других мы можем, и довольно успешно, а вот родить что-то свое, оригинальное... Это бывает очень редко. С другой стороны, история мегаполисов не так длинна, для серьезных выводов явно не хватает наблюдений...

Нет, такие размышления не по мне...

Хотя ты прав в том, что городская жизнь сужает мир, атрофирует душу. И мы это чувствуем. Как животные ищут травку, чтобы избавиться от хвори, так и мы в выходные, в отпуске убегаем из города. В выходные – на дачу, маленький кусочек земли под открытым небом, куда манит совсем не меркантильная забота о пропитании, тем более таких, как я, с приличным достатком. В отпуск – куда подальше, хотя бы в относительное, но безлюдье.... Вот у меня есть свое тайное место в предгорье. Там всего с десятков домов, один магазин, множество собак, быстрая холодная речка, крепко, но не хронически пьющие мужики, число которых, к сожалению, каждый год уменьшается, привыкшие к одиночеству и надежде исключительно на себя – бабы, единственная цель их жизни – рожать детей, которые, чуть повзрослев, забывают отчий, а точнее материнский, дом. Но они рожают одного за другим, пока мужики в силе, пока живы, не помня себя, не

заботясь о том, как выглядят... Они проживают и доживают свой век, если смотреть со стороны, скучно, а если вдуматься, – в гармонии с миром, как те же деревья, скалы...

Понесло же меня... Просто я там отдыхаю лучше, чем во всяких санаториях или на морях. Заряжаюсь, как старенький, но еще исправно работающий аккумулятор...

Выходит из комнаты и возвращается с гитарой.

– Давай, Командир, я лучше спою. Эта песня тебе раньше нравилась...

Негромко поет.

– Проходит жизнь,
проходит жизнь,
как ветерок
над полем ржи.
Проходит день,
проходит ночь,
проходит явь,
проходит сон,
любовь проходит -
проходит все...
И жизнь пройдет,
мелькнет мечта,

как белый парус
вдалеке...
Лишь пустота,
лишь пустота -
в твоём зажатом
кулаке...
Но я люблю,
я люблю,
я люблю!..

Откладывает гитару. Возвращается к ноут-буку.

– Что-то погрустить захотелось.
Пока, Командир.

Он

На этот раз мужчина отвечает не сразу. Перелистывает старый альбом, оставляет на экране её фото с гитарой и прослушивает песню. Потом быстро набивает.

– Ты так и недосказала мне свою историю жизни?

Подумав, стирает последнее слово.

Она

Появляется женщина, подходит к ноут-буку. Потом вы-

ходит и возвращается. Садится и, словно что-то окончательно решив, начинает набирать.

– Извини, долго не отвечала. На работе запарка, с сыном проблемы, как я и предполагала. Хотя и вымахал с пожарную каланчу, а особо не поумнел... Свои дела разгребла, им дистанционно поуправляла... У нас, у баб, ведь как: сначала дела-заботы, а потом уже удовольствие... Сначала для других, а потом для себя...

А тебе что, не надоело читать конспект моей жизни?.. В ней ведь ничего особенного и не было... Но если хочешь, слушай дальше...

На чем мы остановились?.. Ах да, на том, что я вернулась к своим лобастеньким коллегам. Так вот, замечательное время было, интересная работа, хорошая зарплата, жизнь стала налаживаться. Зарплата при капитализме оказалась даже лучше, чем прежде. Правда, и цены, соответственно, выросли, но, тем не менее, надо признать, при этом режиме хороших специалистов кормят лучше...

Я – работала, сын – мужал, бывший не тревожил, ухажеры не доставали, а сама на мужиков не глядела. Может, во мне была тому причина, не помолодела ведь, да к тому же за годы челночества прошла хороший тренинг самозащиты от посягательств на честь и достоинство... А может, причина в том, что мужиков перемены оглоушили и поплыли они по жизни кверху брюхом, как мальки, которых мой маленький сын

проволочным прутом глушил: ударит по стайке, несколько штук обязательно всплывут, вроде и жизнь теплится, а уже ни на что не способны...

Так и жила бы себе спокойно, да только разве от завистливых языков нынче спрячешься... Как же, возраст бабы-ягодки. А нам только дай повод соучастие проявить. Со всех сторон и начали клевать, надо бы, мол, кого-то пригреть да самой прислониться... Логика понятна, давай, мол, становись такой, как все, чтоб обидно нам не было... А тут к Гаврику партнер из Италии прикатил, я как раз у них гостила. Не скрою, Томазик мне сразу понравился: аккуратненький, учтивый, улыбчивый... И так при разговоре жестикулировал смешно...

Год мы перезванивались. Конечно, он звонил. Каждый звонок в евро на огромное букетище тянул, а цветы, даже виртуальные, женщине получать всегда приятно... И уболтал, поехала я к нему в отпуск.

Кокетничать не стану, не девочка, в постель с ним в первую ночь легла. Он такой душистый и быстрый оказался...

Это я к слову...

А если правду говорить, то он и лысый, и с животом, и старше лет на десять... Но вот что быстрый – это правда, без прикрас...

А еще завтрак в постель он почти неделю мне подавал. И я поняла, что это садистская традиция. Не знаю, отчего это

считается жестом внимания и заботы, для меня это самой настоящей пыткой было. Самой неспособностью сходить, куда все люди с утра ходят, а ты должна обжигаться кофе, который я, кстати, не люблю, давиться булочками, что никак не способствует сохранению фигуры, да еще изображать любовь и искреннюю благодарность...

Но клин клином вышибают...

Завтрак он перестал подавать, когда начал ревновать меня к своему двоюродному брату. Который, надо признать, был и моложе, и симпатичнее... Мы с ним часто болтали по-итальянски, он взялся меня учить, и у него неплохо получалось...

«Tu – donna per quale io pronto assassinare dei nostri...»
Знаешь, как это переводится?... «Ты женщина, из-за которой я готов убить своего брата»...

Одним словом, мафия...

Томазик от меня был без ума, выбил у меня все-таки согласие, решила, что все равно уже сплю с ним, уступлю и в этом и смоюсь, будем жить на расстоянии. Начал хлопотать о свадьбе. Ты даже не представляешь, с какой вереницей его родственников мне пришлось знакомиться... И чем ближе приближался этот день, тем все больше он ревновал. Забрал паспорт, запретил выходить одной на улицу. А если заставлял с кузеном, начинал так кричать, ну, и естественно, тот тоже в ответ, что я ни одного слова не понимала. Думаю, это был их местный мат, которому я не успела научиться... Но смот-

реть, как они жестикулируют, было любопытно...

И вот я как-то проснулась утром, когда в постель завтрак уже не подавали, все разложила по полочкам. С одной стороны, заманчиво стать героиней современной драмы, на этом при капитализме можно было бы даже заработать. Представляешь заголовок: «Два брата вступили в смертельную схватку из-за русской женщины». Но у меня советское воспитание все еще не выветрилось, решила, пусть лучше мирно живут без меня... А паспорт Томазик не отдает и даже, уходя из дому, стал меня запирает. Я думаю, не столько боялся, что сбегу, сколько ревновал ко всему, что двигалось. Почему-то все мои мужчины очень ревнивы были...

Ладно, проехали...

Так вот, я кузену напела, что собралась с ним сбежать на какой-нибудь безымянный остров, и если не женой, то любовницей его точно буду... Он и паспорт у Томазика стащил, и меня выпустил... Я сделала вид, что по магазинам соскучилась, а сама на вокзал. А лир у меня этих ну сущие копейки, не догадалась, дура, кузена, раскошелить. Так и поехала на электричках по странам. А границу переехать уже лир и не хватило. Хорошо, мир не без добрых людей, мужик машину перегонял, поверил, посадил. Такой спокойный, рассудительный, обрусевший армянин. Как я поняла, ему машину родственник, который в Германии жил, подарил... Я ему так долг и не отдала, в Киеве разъехались, он мне билет до Москвы взял, ну, а там уж Ольга выручила...

А я бумажку с адресом потеряла... И все из головы напроць вылетело, даже города не помню... Или деревня была... Не помню и все... Обещала ведь долг вернуть, а теперь вот мучаюсь... Между прочим, он из ваших краев, я еще спрашивала, знает ли тебя, хотя, конечно, это было бы так же невероятно, как наша встреча в столице...

Вот такой у меня был заграничный роман...

А ты как жил?.. У тебя тоже, наверное, были приключения?

Он

Мужчина очень занят. Он что-то увлеченно пишет. Появившееся сообщение на мониторе его раздражает. Он быстро прочитывает, тут же набивает ответ и возвращается к отложенным бумагам.

– Поездить по стране пришлось немало, всяческие перипетии были. И предательства, и дружба. Но ничего выдающегося. Из социализма в капитализм я сам перешел, никто не выгонял. Наше предприятие еще дышало, а я открыл кооператив. Обучал, издавал газеты, книги... И чем только еще не занимался... Даже одно время политикой, входил в местный теневой кабинет, правда, быстро понял, как это мерзко... Сейчас тоже от государства не завишу. Разве что от всяческих фискальных органов, которые специализируются на поборах. Но и те особо не надоедают, не злчное у меня дело. Собственно, рассказывать-то нечего. Как говорят, коле-

бался вместе со всей страной. Скорее даже не колебался, ша-
рахался из стороны в сторону...

А вот тебе действительно немало довелось пережить. Впо-
ру роман писать. Но теперь-то, я понимаю, все устроилось
как нельзя лучше. Я имею в виду материальную сторону, о
прочем не говорю.

Теперь они просто разговаривают друг с другом.

Она

– Я где-то в Сети читала, что у тебя проблемы были с со-
ветской властью, в диссидентах ходил?

Он

– Это она меня за что-то невзлюбила в свое время... Но я
не в обиде. Да и об ушедших плохо не говорят...

Она

– А что же у тебя за дело?

Он

– Совсем маленькое... Пишу, издаю, учу уму-разуму мо-
лодых...

Она

– Ладно, расслабься, я тебя пытаться не буду. Счастлив?.. Я
имею в виду личную жизнь?

Он

– Да, в этом мне очень повезло. Я действительно встретил свою половинку. А знаешь, что имеется в виду в этой притче о разделенных половинках целого? Это не банальное слияние плоти, это объединение двух центров космической энергии. Вот отчего в любви человек силен бывает... Вот отчего Господь призывает нас любить, ибо любовь – это ключ к космической силе.

Она

– Это слишком сложно для меня... Хотя, мне кажется, я тоже в свое время любила...

Вновь садится за ноут-бук, и снова сцена разделяется стеной.

И что, собственно, я перед тобой расписалась?.. И богат ты, и в любви живешь... А я, дура, свою песню пою, ничего не слышу... Вот баба-дура...

Стирает три последних предложения.

– Я нашла в интернете твои статьи... Честно скажу, не все поняла в твоей философии, это еще один аргумент против феминизации... Хотя знаешь, прав Шопенгауэр, женщина действительно является хранительницей рода. И наверное, в

будущем, может даже недалеко, без любви к мужикам обходиться сможет... В физиологическом смысле это уже и сегодня не проблема. Вопрос только в том, кому тогда нашу бабью любовь отдавать?..

Он

Набивает текст.

У тебя же какие-то отношения с Марковичем? Кстати, это фамилия или отчество?

Она

Появляется в комнате явно навеселе. Привычно открывает ноут-бук и, переодеваясь, поглядывает на экран. Потом садится и долго вчитывается в появившийся текст.

Маркович, Маркович...

Берет гитару, поет.

– Если друг оказался вдруг
и не друг и не враг, а так...

Откладывает гитару. Набирает.

Выхожу замуж за Марковича... А что?.. Сын вон какую-то

москвичку себе нашел, отрезанный ломоть... А у меня дача... Одной куковать, что ли, век бабий?.. А так, глядишь, вместе теплее, будет кому если не завтрак, то воды подать...

Тяжело вздыхает. Кладет подбородок на руки и, глядя в зеркало, говорит.

– А то уеду в свою деревню... Буду с пропащими мужиками самогон пить, с простыми бабами на лавочке сидеть, восходами-закатами любоваться... Если разобраться, человеку так мало нужно в этом мире. Только любви и больше ничего... А спросить себя, была ли любовь, страшно... И Командиру я не верю... Он совсем чужой стал... Из этих, приспособившихся... А я вот не хочу приспособливаться. Потому что раньше было лучше... Все было лучше... И не говори мне, что лучше, потому что мы были моложе... Не спорь со мной... Просто было лучше... Потому что была надежда... А ты ее забрал...

Женщина выключает ноут-бук и уходит.

Ее нет, но на экране появляется текст.

«Ты не прав, Командир. Я счастлива, хотя и не нашла свою половинку. Я счастлива, потому что щедро одаривала своей любовью каждого, кто в ней нуждался. Счастлива, потому что у меня есть сын и я его очень люблю. И обязательно бу-

дут внуки, которым я тоже буду отдавать свою любовь. И я буду любить, пока у меня хватит сил, пока буду жить в этом мире...»

Он выключает компьютер и выходит .

На экране появляется текст.

«Стоит ли возвращаться в прошлое?.. Надо ли соединять разорванное временем?.. Воспоминания гораздо ценнее реальности, являющейся спустя жизнь. В воспоминаниях минувшее очищается, неважное забывается, проявляется истинное. Связывая времена, мы вновь поднимаем муть... Можно, конечно, удовлетворить любопытство, но за это придется расплатиться разочарованием... И пониманием, что у каждого свой, указанный только ему путь...»

«Я презрел житейские дела, но не честь»

М. Сервантес. «Дон Кихот»

ВАМ НУЖЕН ДОН КИХОТ?

пьеса в двух действиях с прологом и эпилогом

Действующие лица:

Греков

Сергей – сын Грекова

Ирина – дочь Грекова

Бывшая жена Грекова

Элеонора

Игорь – жених Ирины

Коллекционер

Старушка

Александр Иванович – бич

Митя – бомж

Женщина

ПРОЛОГ

На сцене две скамейки, какие обычно стоят в парках. Они приставлены спиной друг к другу. Одна из них смотрит в зал, другая – в глубину сцены. На ней спиной к зрителям сидит женщина. Появляется Греков. Сначала он идёт быстро, потом всё медленнее и наконец замирает у скамьи, глядя на женщину.

ГРЕКОВ (робко). Здравствуйте...

ЖЕНЩИНА. Добрый день.

Пауза.

ГРЕКОВ. Я вот пришёл... Вы...

ЖЕНЩИНА. Это вы мне звонили?

ГРЕКОВ. Да... Вы знаете... (Делает шаг вперёд, но тут же стеснительно замирает и присаживается на краешек скамьи, глядящей в зал). Я, собственно, ещё не совсем решил, что это необходимо, но решил всё же прийти...

ЖЕНЩИНА (перебивает). Боюсь, мы не подойдём друг другу.

ГРЕКОВ. Почему?

Женщина молчит.

ГРЕКОВ. Вы... Ваши данные меня вполне устраивают... И мои, вроде бы, как вы давали в объявлении... Я... мне кажется, вроде подхожу...

ЖЕНЩИНА. Я ведь не могла написать всё... Но, кстати, там сказано, что мне нужен спутник жизни решительный, уверенный в себе, способный вести за собой женщину. А вы, похоже, не такой...

ГРЕКОВ. Почему же?..

ЖЕНЩИНА. Как вам сказать... Вот даже сейчас... Вы могли бы сесть со мной рядом...

ГРЕКОВ. Мог бы... Но у меня просто сегодня день такой, я немножко выбит из колеи...

ЖЕНЩИНА. Вот видите, вы несёте окружающим негатив... А такие мужчины, поверьте, сегодня никому не нужны. Хотя вы мне симпатичны. (Греков встаёт). Нет, сидите уж там...

ГРЕКОВ. Я уже слышал нечто подобное...

ЖЕНЩИНА. От кого же?

ГРЕКОВ. От бывшей жены... Но мы уже давно не живём вместе, поэтому я стал другим. Просто сегодня всё наложилось... Но это совсем неважно, поверьте, я бываю другим, позитивным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.